

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ГЛАЗА ЦВЕТА ТЬМЫ

ЭТОТ ЛЕГЕНД ДОЛЖЕН БЫЛ СТАТЬ ПОСЛЕДНИМ, НО ОКАЗАЛСЯ ПЕРВЫМ ДНЕМ ЕЕ НОВОЙ ЖИЗНИ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Глаза цвета тьмы

«ЭКСМО»

2014

Леонтьев А. В.

Глаза цвета тьмы / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2014

Анастасия Бойко была счастлива с мужем Эдуардом, хотя, едва познакомившись с ним, сочла молодого человека пустым альфонсом. Потом она изменила свое мнение, но, похоже, напрасно! Настя случайно стала свидетельницей телефонного разговора Эдика и поняла: он женился на ней с тайным расчетом и теперь ждет удобного момента для осуществления какого-то плана! Но кто его сообщник? Возможно, бывший муж Виктор, ведь развод прошел весьма некрасиво? Или олигарх Всеволод Дуйменов, давно мечтавший прибрать к рукам фирму Бойко? Кто бы это ни был, он решился на крайние меры и попытался убить ее, выманив поздним вечером на улицу. А ведь Настя считала, что идет на встречу с весьма симпатичным частным детективом, которого она наняла для слежки за Эдиком! Ей чудом удалось спастись, но она знала: эта попытка — далеко не последняя...

© Леонтьев А. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Антон Леонтьев

Глаза цвета тьмы

Кто знает, жизнь не является ли смертью, а смерть – жизнью?
Эврипид

Последний день жизни Анастасии Бойко пришелся на один из четвергов сентября. Начался он, как и обычно, в шесть утра. Еще до того, как раздалась трель будильника, Анастасия открыла глаза и уставилась в потолок.

Мимолетное, внезапное чувство, нечто, похожее то ли на тоску, то ли на предчувствие чего-то зловещего, растеклось по ее телу. Сначала кольнуло в сердце, потом перекинулось на кожу, отчего та покрылась пупырышками, под конец засело где-то в солнечном сплетении.

Анастасия, человек абсолютно рационального склада, списала это на плотную рабочую программу, ожидавшую ее в тот день. А также на ряд неприятностей, отчего-то обрушившихся на нее в последнее время. Ну и, возможно, на тот факт, что ей в середине лета исполнилось тридцать девять – *все же уже не девочка...*

Однако позволять депрессии, первому предвестнику кризиса среднего возраста, брать над собой верх она не намеревалась. С шести до семи утра на повестке дня были физические упражнения, а затем контрастный душ. После чего всякую хандру как рукой снимет.

Во всяком случае, Настя надеялась на это. Потому что знала, *что именно* было причиной ее тревоги и странного, щемящего чувства, упорно не желавшего уходить прочь.

Если она что-то и ненавидела всеми фибрами своей души, если что-то терпеть не могла и уж точно никогда бы не простила, так это *измену*. Именно по причине измены она развелась со своим первым супругом Виктором. И после этого около года вела жизнь монахини-затворницы, не допуская до себя ни одного мужчину – и, главное, не веря ни одному из них.

С Эдиком, ее милым Эдиком, *все было иначе*. Вначале она не воспринимала его дурашливость всерьез, однако он так страстно и упорно добивался ее благосклонности, что она решила – нет, с этим человеком, который к тому же младше ее почти на десять лет, ничего быть не может.

Но судьба распорядилась иначе – вернее, она сама распорядилась иначе, так как Анастасия не верила ни в судьбу, ни в предзнаменования, ни в астрологические прогнозы, ни в переселение душ, ни в загробный мир. Конечно же, это было ее решение – *ее собственное*. Решение, которое она приняла, руководствуясь множеством факторов и абсолютно рационально.

Хотя, естественно, все было не так. Она просто-напросто влюбилась в Эдика, однако даже от него, объекта ее страсти, она утаила всю правду. Потому что любовь, настоящая, всеобъемлющая, подобна тому, как нырнуть с головой в глубокий, неведом кем вырытый, затерянный в волшебном лесу колодезь. Ибо никогда не знаешь, что ожидает тебя там, на дне. На дне, которого, быть может, *вовсе и не существует*. И вдруг там вместо ангелов притаилась *парочка гремлинов?*

Поэтому Настя убедила себя в том, что даже, будучи влюбленной в Эдика (а она была влюбленной – не стала бы она выходить замуж за человека, которого не любит!), она руководствовалась исключительно логикой. Потому что у нее к нему были чувства, и у него, вне всяких сомнений, тоже. Уже пошли слухи, желтые газетенки тиснули парочку статей, в Интернете на соответствующих сайтах появились пафосные статьи, взхлеб описывавшие ее «роман».

Чтобы положить этому конец, оставалось две возможности: расстаться с Эдиком. *Или действительно стать его женой.*

И Анастасия всерьез рассматривала именно первый вариант. Потому что считала, что еще не готова к новым серьезным отношениям. И уж точно к новой свадьбе. Но делать что-то было надо. Потому что и знакомые задавали странные вопросы, и даже в штаб-квартире

своей фирмы Анастасия однажды случайно услышала, как две сотрудницы, находясь в копировальном помещении и точно не предполагая, что их начальница находится рядом с плохо прикрытой дверью, вовсю и со вкусом обсуждали личную жизнь – *ее личную жизнь*.

Тогда, переборов в себе желание ворваться в копировальную комнату и тем самым вызвать у обеих сплетниц инфаркт, Анастасия вернулась к себе в кабинет, опустилась в кресло и задумалась. И вдруг поняла, что эти болтливые особы были не так уж далеки от истины. Они ведь заявили, что «наша Анастасия Петровна и этот красавчик-спортсмен будут великолепной парой».

А если это так, то почему бы не попробовать? Поэтому, когда несколько дней спустя Эдик сделал ей предложение, она, вообще-то собиравшаяся порвать с ним отношения, ответила ему согласием.

Последовала свадьба в узком кругу, а потом упоительный, полный неги и секса медовый месяц в Италии. Конечно, отлучиться на целый месяц из Москвы она не могла – иначе кто бы осуществлял руководство ее весьма влиятельной «империей», включавшей в себя фирмы химического и целлюлозно-бумажного профиля. Поэтому пришлось ограничиться двумя неделями, а на исходе первой, когда они находились где-то в Тоскане, Анастасия уже затребовала несколько отчетов в электронном виде и по вечерам изучала их. Эдику это, кажется, не очень понравилось, однако еще до бракосочетания Настя провозгласила незыблемый принцип, которого требовалось придерживаться: все, что касалось бизнеса, было исключительно ее компетенцией. *И главой семьи, таким образом, была она – а не Эдик.*

Да, вне всяких сомнений, она любила его, и даже очень. Однако, несмотря на то что он сначала намекал, а потом уже прямым текстом спрашивал, когда же они заведут детей, она отвечала уклончиво. Не хотелось разочаровать или обидеть мужа – ибо Анастасия с самого начала приняла решение, что детей у них с Эдиком не будет.

От брака с Виктором у нее было два отпрыска: сынуля Петя и доченька Олеся. И то, что дети проживали с матерью, не давало Виктору покоя, тем более что развод у них был очень тяжелый и грязный. И не только по причине того, что дети остались жить с Настей, и не из-за того, что она прикладывала все усилия, дабы бывший муж виделся с ними как можно реже. А по той причине, что эту самую «империю», владелицей которой теперь была только она, создавали они когда-то на пару с Виктором. И он полагал, что по крайней мере пятьдесят процентов активов фирмы принадлежат ему.

Адвокаты Анастасии сумели сделать так, чтобы в его распоряжении оказалось меньше десяти. А потом, во время последней встречи, когда она вела переговоры с бывшим мужем – человеком, которого она раньше обожествляла, – ей удалось принудить его к продаже и этих процентов по устраивавшей ее цене. В обмен на это она скрепя сердце согласилась на то, чтобы он виделся с детьми раз в месяц.

С заседаний суда, конечно же, кое-что просочилось в прессу, но это были проблемы Виктора. Он и не ведал, что эти утечки информации были организованы самой Анастасией – для того чтобы оказать на него давление.

А во время той последней встречи, когда они, в прошлом друг друга любившие, сидели по разные стороны огромного стола и, подобно двум вражеским партиям, вели переговоры, причем Настя была готова принять только безоговорочную капитуляцию супруга, он, кажется, прозрел. И даже бросил ей в лицо несколько нелестных слов.

Анастасия, внутренне напряженная, подобно сжатой пружине, прервала его излияния и сухо заметила:

– Прекращай юродствовать. И ты, и я в курсе, что вина в сложившейся ситуации лежит исключительно на тебе. Работать с тобой вместе я не смогу. Да и детям такой отец, как ты,

не требуется. Ты получишь деньги, причем немалые, которые позволят тебе вести роскошный образ жизни в любой точке России, а желательно – за рубежом. Ты исчезнешь из нашей жизни – и все!

Такой у нее был характер: *или все, или ничего*. Никаких компромиссов, никаких половинчатых решений. Именно так она добилась успеха. Именно таким образом она стала тем, кем являлась.

– А если я не соглашусь, Настя? – произнес вкрадчиво Виктор, и женщина на мгновение закрыла глаза. Когда-то она таяла от его бархатного голоса, но это давно прошло... Хотя... *Хотя, кажется, она до сих пор любила этого человека* – и именно этого она не могла простить, причем в первую очередь себе. Он не заслуживал ее любви. А она все равно питала к нему чувства.

– Если в налоговую инспекцию поступит анонимная информация о тех странных финансовых схемах, которые ты используешь в нашей фирме?

– В моей фирме! – отрезала Анастасия. – Ты мне угрожаешь?

Виктор усмехнулся и, откинувшись на спинку стула, заявил:

– Понимай как хочешь! Ты ведь знаешь, что налоговики могут разорить твою «империю». Мне будет жаль, безумно жаль, но уж лучше пусть не будет никакой фирмы, чем та, в которой всем заправляешь только ты!

Настя ожидала чего-то в этом роде. Потому что характер и повадки супруга были ей хорошо известны. Поэтому она лишь пододвинула к нему пакет из плотной бумаги. Она заметила, как дернулось красивое лицо мужа.

– Что это такое? – спросил он странным тоном, словно уже зная, что найдет в конверте.

– Тебе лучше знать, милый! – ответила Настя и пристально уставилась на мужа.

Тот схватил пакет, вынул из него пачку фотографий, которые выпали из его рук и веером разлетелись по полированной поверхности стола.

– Ты... Ты... Ты... – Ему явно не хватало воздуха, лицо Виктора налилось кровью, на щеке взбухли жилы.

Анастасия только заметила:

– Если ты хочешь сказать, что я установила за тобой наблюдение, то ты прав. И на этих фотографиях запечатлено то, о чем в суде пока что не было сказано ни слова. И о чем никто пока не знает. О том, как и с кем ты проводишь свое свободное время, Витя...

За многие недели она впервые назвала его по имени, но звучало это не ласково, а походило на очередную пощечину. Супруг как зачарованный сидел и пялился на фотографии своих сексуальных походов. Анастасия заметила, что его даже легонько трясет. Он вдруг поднял глаза – и она увидела в них слезы.

– Ты готова их опубликовать? – спросил он хрипло. – Ты понимаешь, что это означает? Ты просто уничтожишь меня. Подумай о наших детях! Если они узнают...

– Я не хочу, чтобы они узнали! – прервала его Анастасия. – И ты, думается, тоже. Широкой общественности знать тоже ничего не надо. А чтобы это так и было, то нам надо прийти к соглашению. Здесь и сейчас!

Она, конечно же, победила. Потому что всегда побеждала. Эту привычку она переняла от Виктора. Он ведь когда-то кичился тем, что его имя в переводе с латыни именно это и означает: «победитель». И он, Виктор Царьков, победил всех и вся.

Но упустил из виду свою жену. Анастасия помнила, что он был страшно разгневан, когда ему донесли, что один из его конкурентов заявил, что Царьков, соответственно его фамилии, и есть царек – мелкий смешной властитель. И что до настоящего царя ему ой как далеко.

Остроумного конкурента Виктор тогда в итоге раздавил, однако, избавившись от конкурентов, не заметил, что самый главный конкурент – это его жена. Анастасия видела, что биз-

нес-стратегия мужа неправильная, ущербная, она пыталась сказать ему об этом, но он и слышать не хотел. Прошли те времена, когда он принимал в расчет ее мнение. Он вообразил себя хозяином жизни. И было от чего: в разряд олигархов он еще не перешел – так и застрял где-то посередине лестницы успеха.

Однако все вдруг переменялось – и фортуна, так часто улыбавшаяся Виктору, вдруг забыла о нем. В тот вечер он, конечно же, подписал соглашение, и пальцы мужа все еще дрожали. Когда после короткого брифинга со своими адвокатами Анастасия вышла на свежий воздух, она вдруг заметила Виктора – он стоял около своего авто и курил.

Это было Анастасии неприятно: она-то думала, что супруг уже давно отбыл восвояси. А он, кажется, поджидал ее.

– Ты ведь думаешь, Настя, что добилаесь всего? – спросил он ровным тоном, который, однако, был наигранным. – Теперь и наше совместное детище, фирма и подконтрольные ей предприятия, принадлежат фактически одному человеку – тебе. У меня более никаких прав нет, ты завалила меня деньгами в обмен на то, что я более не буду задавать там тон.

– Ты повторяешься! – ответила Анастасия, а супруг, подойдя к ней, вдруг выпустил ей в лицо облако табачного дыма. Настя поморщилась – он прекрасно знал, что она терпеть этого не могла!

– Если желаешь получить больше, то уже поздно. Ты сам согласился на ту сумму, которая указана в договоре.

Виктор криво усмехнулся:

– Да что ты все о деньгах! По сравнению с тем, что мне причитается на самом деле, ты заплатила мне копейки.

– Гм, я и не знала, что это, как ты говоришь, «копейки», позволяющие тебе вести жизнь богатого плейбоя в любой точке земного шара...

– Дело не в деньгах! – заявил он, и его лицо вдруг исказилось. – Ты отобрала у меня мое детище! Фирму! И не только ее, но и моих детей! Петю и Олесю...

Настя фыркнула:

– Ты что, всерьез думал, что получишь их? Такой отец, как ты, Виктор, им не нужен!

Хотя она знала, что была не права. Отцом-то он был как раз хорошим. Вернее, даже отличным. И то, чем он занимался на стороне, никак не отражалось на его родительских качествах. Однако Настя не могла вынести мысли о том, что этот человек будет по-прежнему частью ее жизни. И частью жизни ее детей. Поэтому она приняла решение навсегда забыть о нем.

Муж, кажется, хотел что-то сказать, но потом вдруг швырнул на землю недокуренную сигарету и раздавил ее носком изящного, ручной работы ботинка.

– Вот так ты и меня раздавила, Настя, – заметил он, и тон его был горький, – просто взяла и раздавила. Но в том, что ты умеешь быть беспощадной, я убедился уже давно...

– Проповедь закончена? – прервала его Настя. – Или ты думаешь, что я на полном серьезе буду внимать речам человека, фото сексуальных утех которого я имела сомнительное удовольствие только что держать в руках?

Виктор снова посмотрел на нее, и от его взгляда Анастасии вдруг сделалось страшно. Нет, она не боялась, что муж бросится на нее – он все же был разумным человеком. Однако она загнала его в угол: а люди, загнанные в угол, всегда непредсказуемы.

Она развернулась, чтобы, не прощаясь, уйти прочь, как вдруг, подобно стреле, ее настиг вопрос Виктора:

– А ты не боишься?

Она решила не вступать более с ним в ненужные дискуссии. То, что он не выдаст компрометирующую информацию финансовым органам, она знала наверняка. Потому что тогда и сам окажется в тюрьме – ибо ответственность за не самые чистые методы работы их бухгал-

терии были и на его совести. А ряд документов, которые могли обеспечить ему пребывание в местах не столь отдаленных, были скреплены его подписью. Поэтому супруг блефовал.

Анастасия двинулась к своему автомобилю, а муж повторил громче:

– Не боишься того, Настя, что это рано или поздно закончится? Причем, вероятнее всего, рано? Потому что ты, подобно этому окурку, вдруг попадешь кому-то под ноги. И тебя раздавят, просто-напросто раздавят. И речь идет вовсе не о твоей – да, теперь исключительно твоей! – фирме. И не о твоей семейной идиллии. *А о твоей жизни, Настя!*

Анастасия развернулась, чтобы спросить, что муж имеет в виду, однако до нее донесся только рев его спортивного автомобиля – Виктор, уже нырнувший за руль, отправился восвояси, оставив после себя лишь удушливое облако выхлопных газов.

Настя даже ломала некоторое время голову над этими его словами – он что, пытался ей угрожать? Но чем, убийством? Он что, решил нанять киллера? Это смешно и мелодраматично, однако надо было принимать в расчет и подобную возможность. Поэтому она строго-настрого запретила пускать мужа, теперь уже бывшего, в головной офис их, нет, теперь исключительно *ее*, фирмы, расположенный в Москва-Сити.

Но он и не пытался связаться с ней. Более всего тревожили его посещения детей, но поделаться с этим она ничего не могла. Ребята обожали отца, и Анастасия представить себе не могла, что он причинит вред собственным отпрыскам. Пусть Виктор был мерзавцем и развратником, однако своих детей он обожал и первым бы перегрыз глотку тому, кто бы поднял на них руку.

Она боялась того, что он похитит детей и увезет их за границу. Однако Олеся было пятнадцать, а Пете – шесть, и увезти детей против их воли было уже нереально. Тем более что они привыкли к посещениям отца раз в месяц и пережили разрыв родителей на удивление спокойно. Но не было ли это спокойствие подобно затишью перед бурей?

Чтобы уж точно удостовериться в том, что ее бывший ничего не затевает, Анастасия снова обратилась к услугам детективного агентства Михаила Точилина. Именно Михаил и вел тогда слежку за Виктором, именно он и добыл пикантные фотографии сексуальных похождениях того на стороне.

Точилин отлично справился с заданием и, что важнее всего, держал язык за зубами. Поэтому его люди и вели Виктора, проводившего время то на Лазурном Берегу, то на юге Испании, то в Скандинавии, то в Канаде. График его перемещений был хаотический, никаких эскапад экс-супруг себе не позволял, и именно это убеждало Настю в мысли о том, что он что-то затеял.

– Анастасия Петровна, если вам и вашим детям что-то грозит, то мы узнаем об этом первыми, – заверил ее Точилин, невысокий коренастый субъект с лицом бывшего боксера и короткими седыми волосами. Впрочем, не таким уж он был и старым, просто в его профессии требовалось выглядеть внушающим доверие и, соответственно, солидно.

Разговоры с начальником детективного агентства «Закон и порядок» вошли у нее в привычку. Нет, никаких сентиментальных чувств к Точилину она не испытывала, и это было лучше всего: он стал для нее другом и конфиденнтом. А друзей у Насти, если уж на то пошло, *не было совсем*. Имелась масса знакомых, приятелей, партнеров по бизнесу – но настоящих, реальных друзей, на которых можно было бы в минуту невзгоды положиться, не существовало.

Конечно, имелись ее родители, которых она любила, но которые наслаждались теперь жизнью, что обеспечивала им дочь. Имелась старшая сестра Светлана, ее доверенное лицо и правая рука в фирме после ухода Виктора: сестра была человеком абсолютно надежным и крайне проницательным. Но это была семья – семья, которая не должна иметь отношения к не самым отрадным тайнам ее личной жизни.

Наконец, с некоторых пор имелся еще и Эдик. Ее милый Эдик, который до такой степени обожал ее, что после заключения брака даже принял ее фамилию, точнее, присоединил к своей.

И стал таким образом Эдуардом Елецким-Бойко. Анастасия как была, так и осталась Бойко: ведь если она не стала когда-то Царьковой, то почему должна превращаться в Елецкую?

Да, имелся Эдик. Тот, который был подобен старшему брату для ее детей, принявших нового супруга матери на удивление хорошо и быстро с ним подружившихся. Эдик, который когда-то был пловцом – он даже принимал участие в предпоследних летних Олимпийских играх. Правда, уже и тогда он был несколько староват для своего класса: заняв последнее место в своей категории, он еще до завершения игр покинул большой спорт.

Потом он перебивался то тем, то другим: звездой спорта ему стать не удалось, связей в чиновничьем аппарате у него не было, так что пришлось кормиться на вольных хлебах. Он был и фотографом, и ведущим ток-шоу (причем в эфир вышло только два выпуска – восемь других, уже снятых, из-за крайне низкого рейтинга в эфир вообще не пустили, поменяв на какую-то передачку о воспитании строптивых домашних любимцев). Далее он занимался рекламой, подвизался на писательской стезе, пытаясь опубликовать свои эротические мемуары в духе современного Казановы, ни одно издательство, впрочем, не заинтересовавшие. Наконец, он, неуклонно спускаясь по лестнице собственных карьерных устремлений все ниже и ниже, сделался учителем по теннису, затем учителем йоги и в итоге тренером по фитнесу в престижном спортивном салоне.

Именно там Настя с ним и познакомилась: обычно она занималась спортом в своем подмосковном особняке, благо что там имелся оборудованный спортивный зал, однако в то время, сразу после развода, ей требовалось показаться на публике, демонстрируя, что с ней все в полном порядке: поэтому она и ходила несколько месяцев в салон, где был тренером Эдик.

Да, ее новый супруг был в идеальной физической форме, Микеланджело или любой другой скульптор вцепился бы в него, выбрав в качестве натурщика для своего очередного шедевра из мрамора.

Настя не могла отрицать – с Эдиком все было проще, намного проще. И приятно, очень приятно. И хорошо, крайне хорошо.

Он не лез в дела фирмы, не диктовал условий, не пытался оказать на нее влияния. Весь день он занимался физкультурой, потом ходил по модным лавкам, а под вечер – по мероприятиям для избранных. Конечно же, не один, а в сопровождении своей очаровательной супруги.

Наблюдая за тем, как Эдик бесится с ее детьми, и понимая, что он и сам – большой ребенок, Настя невольно усмехалась. И, краснея, думала о том, что, если учесть его напор и изобретательность в супружеской спальне, назвать его ребенком язык не поворачивался.

Да, он был идеальным спутником жизни – *подозрительно идеальным*. А по опыту в своей фирме Настя знала: если сотрудник уж слишком хорош, жди подвоха. Нет, она не сожалела о том, что вышла замуж за Эдика, хотя...

Хотя, анализируя ситуацию, она отдала ему должное: в итоге ведь именно он подвел ее к этой мысли и сделал так, чтобы она приняла его предложение. Это была целая многоактная пьеса, финалом которой стала стильная и роскошная свадьба.

Автором и режиссером этой пьесы был один человек – Эдик.

Это так не вязалось с его имиджем наивного, безмозглого красавчика-неудачника, не способного и на два хода вперед просчитать последствия. *Тот, кто решил ее сделать своей женой, был гениальным игроком в шахматы.*

И, что интереснее всего, Эдик в самом деле обожал стратегические игры на компьютере. Как удалось установить Насте, *набирал в них рекордное количество очков.*

Ее новый муж был не так-то прост, каким старался казаться на первый, второй и даже третий взгляд. То, что она вышла замуж не за смазливого атлета-идиота, с одной стороны успокаивало Настю. Не пришла еще пора уподобляться стареющим поп-дивам, меняющим, словно перчатки, молодых мужей и любовников.

Виктор, несмотря на все его пороки, чертовски умен – и был готов признать ее интеллект тоже. Некоторое время они были идеальным тандемом. Но, как с любым тандемом, это сменилось эпохой разлада.

А вот как быть с Эдиком? Они были женаты чуть больше года – и за эти тринадцать или четырнадцать месяцев он ни разу не дал слабину. Вернее, *ни разу не изменил своей роли*.

А то, что он играл роль, Настя убедилась лично. Одно дело – ее сомнения и предположения, которые можно было списать на то, что после развода с Виктором она стала уж чересчур подозрительной и мнительной.

И другое – *разговор, который ей удалось подслушать*.

В тот день она вернулась домой неожиданно рано: послеполуденное заседание было отменено по просьбе другой стороны в последний момент, и Анастасия решила поехать пораньше домой, чтобы насладиться обществом мужа.

Она застала Эдика в оранжерее – скрытая густой зеленой растительностью, она двинулась к центру, к водоему, в котором обитали черепахи. Она уже предвкушала сеанс любви, чувствуя, что безумно соскучилась по Эдику.

И вдруг до нее донесся его негромкий голос. Эдик ее не видел и не знал, что в оранжерее кто-то был.

– Да, я понял. Нет, все в порядке. Она ничего не подозревает.

Она ничего не подозревает? Только кто – она?

– Конечно... Но еще раз могу вас уверить – Бойко мне полностью доверяет. Она без ума от моего обаяния и моего члена...

Анастасия на мгновение замерла, испытав такое чувство, будто кто-то ударил ее под дых. Вот, оказывается, как он охарактеризовал ее кому-то неведомому, с кем вел телефонную беседу...

Она без ума от его обаяния и его члена... Она – Бойко! Он называл ее по фамилии, хотя всегда нежно обращался к ней «Настюша» или «Настенька».

Собеседник, видимо, что-то сказал, на что Эдик рассмеялся. А потом добавил:

– Да, так и сделаю. Кстати, проверку относительно ребенка она не прошла. Сказала, что время пока еще не настало. Но явно не хочет. Ей достаточно нынешних сопляков...

Сопляки! Вот как он именует Петю и Олесю! А ведь он с такой охотой с ними возится, устраивает всякие шалости и веселые спортивные соревнования! Анастасия была готова поклясться, что он их любит.

Нет, не любит. А так ластится к детям, потому что понимает: *это нравится ей*. Но тогда возникает закономерный вопрос: *а ее саму он любит?*

– Да, да, да! – произнес Эдик, и Анастасия отдала бы все, чтобы узнать, с чем это он так ретиво согласился. И в особенности – с кем он беседовал. – Однако не торопи меня, потребуется время. Да, я понимаю, но пока еще рано. Надо подождать. И лучше мне больше не звони, я сам с тобой свяжусь. Потому что в этом треклятом особняке даже и у стен есть уши!

Фраза о стенах, имеющих уши, была, конечно же, приведена ради красного словца. Не подозревал молодой супруг, насколько он был прав!

Эдик завершил разговор, до Насти донесся его голос:

– Эй, черепахи, что, на камни греться вылезли?

Анастасия осторожно выглянула из-за куста и увидела супруга, стоявшего к ней спиной подле небольшого пруда с черепахами. Сталкиваться с Эдиком сейчас было опасно – он мог заподозрить, что она услышала *его беседу* – беседу, ради которой он уходил в оранжерею.

Женщина попятилась, быстро пошла к выходу. То ли она была так ошарашена услышанным, то ли взволнована предательством Эдика, что не смотрела под ноги – и налетела на шланг, протянутый через тропинку.

Анастасия полетела на землю, точнее, на один из кустов, и звук ее падения разнесся по всей оранжерее. Нет, травм она никаких не получила, разве что в земле измазалась, но страшнее всего было то, что до нее донесся голос мужа:

– Здесь кто-то есть?

Анастасия поднялась и заспешила прочь. Она вылетела из оранжереи, завернула в крошечную комнатку рядом, в которой хранились садовые принадлежности и корм для черепах. Несколькими секундами позднее из оранжереи выбежал Эдик.

Молодой муж посмотрел по сторонам, повторил свой вопрос, однако никто не отозвался. Внезапно он втянул ноздрями воздух, и Анастасия, наблюдавшая за ним из темноты, похолодела: *неужели он почувствовал ее парфюм?*

Странно, но в этот момент Настя ощутила себя маленькой девочкой из сказки, скрывающейся от людоеда в его замке. Только ведь замок-то был ее, она являлась тут хозяйкой. А людоед...

Людоедом, похоже, был ее милый красавец муж, уверенный, что она без ума от его шарма и его члена. В чем он, к досаде Насти, был совершенно прав.

– Кто здесь? – сказал он снова, и тут из коридора появилась одна из горничных. Эдик тотчас сконцентрировался на ней, обрушив на нее упреки в том, что она мешает его медитации в оранжерее. Та не стала убеждать его, что в оранжерее была вовсе не она, а принялась извиняться.

– Вы что-то слышали? – допытывался Эдик, а горничная, покрываясь пятнами, твердила, что нет, ничего она не слышала. И снова бормотала извинения.

– Учтите, если вы врете и мне станет это известно, а это станет мне известно, потому что все тайное становится явным, вы потеряете место. И я позабочусь о том, чтобы вас никто больше никуда не взял! – заявил милым тоном Эдик, и от этого его угроза звучала еще страшнее. – Вы это поняли?

Горничная снова стала бормотать извинения, а Эдик вдруг схватил ее обеими руками за плечи и, нависнув над несчастной, которая была на голову ниже его, как следует потрянул, словно держал не человека, а куклу, и произнес, глядя ей в глаза:

– Я вижу, что вы врете. Поэтому предупреждаю вас – что бы вы ни слышали, все это было конфиденциальным разговором с очень важным человеком по заданию Анастасии Петровны. С *очень важным*, понятно? И если вы будете об этом распространяться, то и Анастасия Петровна, и этот очень важный человек будут крайне недовольны. Понятно?

Несчастливая горничная, ничего не слышавшая и попавшая как кур в ощиц, только трясла головой и твердила, что будет нема, как могила.

– Сравнение мне нравится. И смотрите, чтобы эта могила не стала в итоге вашей собственной! – заявил Эдик, хищно улыбаясь. Таким – безжалостным и жестоким – Настя его еще не видела. Впрочем, это и понятно: попробовал бы он трясти ее, как эту дурочку, она бы в два счета выбросила его и из особняка, и из своей жизни.

– Никому ничего... И Анастасии Петровне не надо беспокоиться... Она только что приехала, но все равно... – бормотала горничная.

Эдик, оттолкнув женщину, прошипел ей в лицо:

– *Как приехала?* Что ты мелешь, когда? Ее автомобиль во дворе стоит? Что же ты молчала!

Буквально отшвырнув горничную, которая повалилась на пол, он бросился по коридору прочь. Та, еле сдерживая рыдания, поднялась. Анастасия вышла из каморки и незаметно приблизилась к ней. Заметив ее, девушка охнула и принялась твердить, что ничего не слышала.

– Марина, все в порядке, все в порядке! – произнесла с улыбкой Настя, чувствуя, как в душе у нее поднимается буря. Как Эдик смеет так обращаться с ее обслуживающим персоналом – будто он барин екатерининских времен! – Я знаю, что вы не сделали ничего плохого. Поэтому

вы в этом месяце получите премию – вторую зарплату. И две оплачиваемые дополнительные недели отпуска. Думаю, вам их лучше сейчас и взять.

После того как девица, повеселев и благодаря ее, исчезла, Анастасия вернулась по коридору к холлу – и заметила Эдика, беседовавшего с кем-то из obsługi. Разговаривать с мужем не входило в ее планы. Настя проследовала к себе в апартаменты. Перед большим зеркалом она привела себя в порядок, скинула запачканный землей пиджак и сбросила грязные туфли.

Она приводила в порядок прическу, когда дверь раскрылась и на пороге возник сияющий Эдик. Да, прежний Эдик – тот, которым он был всегда. Всегда – для нее. А предыдущий, видимо, реальный Эдик, жестокий, грубый и невесть с кем невесть что замышляющий против нее, исчез. *Вернее, притаился под личиной целлюлоидного ловеласа.*

– Настюша, а что же ты мне не сообщила, что вернешься сегодня раньше? – спросил он, мурлыкая и, подобно леопарду, подбираясь к ней.

Меньше всего Анастасии хотелось что-то объяснять, однако оказаться в объятиях мужа – да прямо сейчас! – не хотелось и вовсе.

– Конференцию отменили, а у меня голова разболелась, вот и решила вернуться домой... – произнесла она, внезапно чувствуя, что голова у нее в самом деле начинает трещать.

– Крошка моя, не надо так много работать! Ты ведь знаешь, как мне скучно одному. Безумно скучно! И заняться совершенно нечем!

Эдик коснулся ее тела, и Настя вздрогнула. Но муж, кажется, этого не заметил и принялся нежно массировать ее плечи. Но вместо волны наслаждения женщина ощутила только одно – *страх.*

– Гм, этот парфюм... – произнес он вдруг, и Настя окаменела. – Этот твой парфюм...

Он понял, что она была в оранжевее! И что тогда он сделает с ней?

– Горничные воруют твой парфюм, ты в курсе этого? – прошептал он, зарываясь лицом в ее волосы.

Анастасия неловко повернулась и вдруг заметила, что рукав пиджака, лежавшего на ковре прямо перед ней, испачкан землей. *Землей из оранжевее.*

Не хватало еще, чтобы Эдик обратил на это внимание. Поэтому Анастасия ногой осторожно затолкала испачканный край пиджака под трельяж. А затем посмотрела на себя в зеркало. Она и ее муж. Блестящая, гламурная пара. *Но так ли это на самом деле?*

– И я даже знаю лучшее лекарство от головной боли! – прошептал Эдик, целуя ее в шею. – Все сразу как рукой снимет...

Раньше бы она, конечно же, поддалась на подобные уговоры, позволила бы утащить себя в постель – или на кушетку, или на пол, в зависимости оттого, что именно пришло в голову ее супругу. Но все это осталось в прошлом. И от прошлого, того самого счастливого и беззаботного прошлого, ее отделяло всего каких-то двадцать минут!

Неужели в этом суть: что все рано или поздно станет прошлым?

Тем временем Эдик уже всю целовал ее, пытаясь стащить с Анастасии блузку. Его руки вцепились ей в грудь, но женщина оттолкнула мужа и сказала:

– *Нет!*

Однако это, похоже, только раззадорило Эдика. Рыча, он прижал ее к себе, и она почувствовала животом его упакованный в джинсы, но уже восставший член – тот самый, который, по ехидному замечанию супруга, сводил ее с ума.

– Я же сказала нет, Эдуард! – заявила она, а когда он вместо ответа повалил ее на ковер, явно желая овладеть ею прямо там, Анастасия закатила ему оплеуху.

Эдик, отвалившись от нее, растерянно потер горевшую багрянцем щеку и жалобным голосом произнес:

– Настюша, что такое? Почему ты так ведешь себя?

Анастасия поднялась и произнесла:

– Лучше задайся вопросом, почему ты так себя ведешь! Я же сказал – нет! Изволь понимать с первого слова, Елецкий!

Так же, как он никогда не называл ее Бойко, во всяком случае в лицо, так и она никогда не называла его Елецким.

Муж неловко встал с ковра и затараторил, желая узнать, что же случилось с его супругой. Он хотел вызвать врача, намеревался позвонить то одному светилу медицины, то другому.

Анастасия поняла, что переборщила. Потому что главное в такой ситуации – *не вызывать подозрений*. А она уже вызвала их: посредством своего странного и отклоняющегося от нормы поведения.

А ведь за Эдиком кто-то стоял. В этом она ни секунды не сомневалась. Потому что ее супруг был пусть и хитрым, но далеко не самым умным субъектом. И сам бы он подобную комбинацию задумать не смог.

Его кто-то направлял. И он перед кем-то отчитывался. *Только вот перед кем?*

Если задать ему этот вопрос сейчас, то Эдик не ответит. Наверняка будет врать, изворачиваться, все это перерастет в большую ссору. И, что важнее всего, тот, на кого он работает, будет в курсе: *рыба сорвалась с крючка*.

Следовательно, тот, кто находится в тени, начнет новую игру. А этому надо было воспрепятствовать. Потому что вывести Эдика на чистую воду ей сейчас помог случай. И такого случая – в этом Анастасия не сомневалась – *большие уже не представится*.

– Извини, я не хотела тебя обидеть, – сказала, пересилив себя, Анастасия, подходя к мужу. – Просто я не очень хорошо себя чувствую... Кажется, начинается простуда...

– Но тогда надо позвонить и вызвать профессора... – начал Эдик, но Анастасия чмокнула его в щеку, стараясь, чтобы это вышло так, как получалось у нее раньше, и ответила:

– И не думай! Я попрошу заварить мне липовый чай с медом – все как рукой снимет. Однако кажется, что мне надо отлежаться.

Неправильно истолковав ее слова, Эдик снова приблизился к ней и бархатным голоском заметил:

– Хочешь, я полежу вместе с тобой, Настюша?

Анастасия сдержанно улыбнулась и сказала:

– Ты же не хочешь, чтобы я тебя заразила? Будешь потом мучиться простудой...

– Ничего, я рискну! – ответил муж, никак не желая отстать от нее.

– А вдруг это что-то серьезное? – спросила она. – Свинка, например. Мне-то ничего, а у тебя могут быть проблемы. Точнее, не у тебя, а у твоего неотразимого друга...

И она выразительно посмотрела на ширинку Эдика. Тот сразу же сник, стушевался и даже сделал пару шагов назад.

– Свинка? С чего это свинка?

– У одной сотрудницы в фирме ребенок свинкой сейчас болеет, – соврала Анастасия, – так что не исключено, что от нее и я эту заразу подцепила. Так что будет лучше, если я все же поговорю с профессором. Но сама! А пока приготовь мне, прошу, липовый чай!

Мужа как ветром сдуло. Звонить профессору Анастасия, конечно, не намеревалась – это была отговорка для Эдика. Зажав в руке мобильный, она размышляла о том, чьим же шпионом мог быть Эдик. Она могла назвать навскидку парочку имен. И первым был, конечно же, ее бывший супруг.

А что, очень даже логично: старый муж подсовывает ей нового, полностью от него зависимого. *И получает таким образом доступ к важной и секретной информации.*

Или, скажем, Всеволод Дуйменов. Человек, которого с полным основанием можно назвать олигархом. И делающий свои деньги в той же сфере, что и Анастасия. То, что он давно

положил глаз на ее фирму, было ей известно. Около двух лет назад он предлагал солидный куш за фирму. Хотя предложение было заманчивое, они с Виктором тогда отказались.

А теперь Дуйменов решил использовать другую тактику – он просто на корню скупал предприятия, которые были интересны Анастасии. И без контрактов с которыми ее «империя» быстро бы разорилась. В последние недели возник ряд перебоев с поставками – и все это было результатом умело организованной интриги Дуйменова.

Нет, он не желал довести до краха ее «империю». Он только демонстрировал свое всемогущество и тем самым намекал – если в этот раз она не примет его правила игры, то он откроет огонь на поражение. А то, что он скоро сделает ей новое бизнес-предложение, Анастасия не сомневалась.

Когда Эдик вернулся с подносом, на котором стояли чашка чая и пиала с медом, Настя сделала вид, что завершила телефонный разговор с профессором:

– Да, благодарю вас, так и сделаем. Еще раз извините, что побеспокоила вас. Всего доброго!

Эдик уставился на нее, словно ожидая важного вердикта. Настя сказала:

– Завтра я заеду к профессору, и он осмотрит меня. Однако он сказал, что нам лучше пока спать в разных спальнях. Потому что если это свинка, то это выйдет боком только тебе...

Эдик поежился и произнес:

– И как долго? И вообще, это очень заразно?

– Очень! – заявила с садистской улыбкой Анастасия. – Но если ты настаиваешь, мы можем спать вместе...

Нет, конечно, Эдик не настаивал. Он быстро смотался из ее апартаментов и перебрался в другое крыло особняка.

Той ночью Настя долго не могла заснуть, и не потому, что рядом не было Эдика, ведь за время их короткого супружества она уже привыкла к тому, что он лежал рядом с ней, прижав к себе мускулистой рукой и тонко во сне посапывая.

Дело было в том, что то ли она себе это внушила, то ли в самом деле подцепила какую-то инфекцию – однако она чувствовала себе как-то... *Как-то неудобно*. Не то чтобы горло болело или живот. И не то чтобы голова раскалывалась или по телу разлилась усталость. Просто ей стало чрезвычайно неудобно – и дело было не только в странной ситуации, в которой она оказалась.

Нет, это не нервы и не стресс. Справлялась она и с другими ситуациями, даже намного более сложными. Но все равно ее не покидало ощущение, что с ней что-то не в порядке. Заснуть она не могла почти до самого утра, лишь около пяти провалилась в тяжелый черный сон. И именно во сне Насте привиделся Эдик, протягивавший ей чашку чая.

Проснулась она в поту и с гулко бьющимся сердцем. Во рту пересохло, низ живота вдруг пронзила короткая, но острая боль. Шести еще не было, но валяться в постели более Анастасия не намеревалась. Она прошла в ванную, включила свет и долго шурилась, разглядывая себя в зеркало.

Да, видок у нее был не ахти. Прошло то время, когда она могла трудиться трое суток, обходясь несколькими часами сна. Волосы висели безжизненными прядями, белки глаз были покрыты красной сеточкой лопнувших сосудов.

Температуры у нее не было, но женщина чувствовала, что с ней что-то происходит. И из головы не шел сон с Эдиком, принесшим ей чай. Она же сама просила! *Вот он и принес*.

Но кто сказал, что заодно не подмешал в чай какую-нибудь гадость? Нет, не яд – если она вдруг умрет, то, конечно же, будет вскрытие и токсикологическая экспертиза. Да и зачем Эдику убивать ее – ведь все равно он ее деньги и фирму не унаследует, они перейдут в равных долях сыну Пете и дочке Олеся...

Только весь вопрос в том, кто будет до совершеннолетия ее сирот их опекуном? *Вообще-то, если такое, не дай бог, случится, то эту роль надлежало исполнять ее старшей сестре Светлане.*

Но ведь Эдик мог устранить с пути и ее. И тогда на многие годы стать единовластным хозяином всего, что Виктору и ей удалось создать!

Стоя под горячим душем, Анастасия снова ощутила в животе спазм. Нет, так дело не пойдет! Но отравить он ее не мог – ведь чай она выпила двенадцать часов назад или что-то около того. Любой яд давно бы подействовал.

Или это был особый яд замедленного действия, который только сейчас стал пускать токсины в ее организм?

Но кто сказал, что она получила убойную дозу? Ведь человека можно отравлять небольшими порциями в течение длительного времени, и тогда все решат, что он скончался в результате долгой болезни. Или – иное объяснение – Эдик мог давать ей какую-то гадость, от принятия которой она окажется в психушке. А он же, опять, станет опекуном ее детей...

Выйдя из душа, Анастасия энергично растерлась полотенцем и подумала: Эдик – не доктор Криппен¹, да и она не глупая молодая наследница несметных богатств из дамского романчика.

Настроение сразу же повысилось, а симптомы недомогания отступили на второй план, практически исчезнув. Травить себя она не позволит. И поэтому обратится к врачу, но не к профессору Аристарху Богдановичу, который пользовал многих представителей столичной элиты. Нет, ей потребуется человек надежный и умеющий держать язык за зубами.

Спустившись в холл, Анастасия прошла в кухню, ей требовалась чашка, из которой она пила накануне липовый чай. Потому что, отдав ее на экспертизу в лабораторию, сможет выяснить, добавил ли Эдик туда что-то или нет.

– Вы что-то ищете. Анастасия Петровна? – услышала она голос экономки – и увидела, что посудомоечная машинка включена. *Значит, пропали улики.*

– Это ведь вы сделали вчера липовый чай? – спросила она экономку, и та испуганно закудала:

– Вам не понравилось, Анастасия Петровна? Я ведь хотела Эдуарду Николаевичу помочь, однако он сам все заварил и вам отнес...

Ага, Эдик сам заварил чай? *Зачем?* Чтобы вместе с чаем запихнуть туда смесь из адских трав?

– А вы не видели... – начала Анастасия и осеклась. Как спросить: «Не видели ли вы, как он подливал туда что-то из пузырька»?

– Да, Анастасия Петровна, что я не видела? – переспросила экономка.

– Доброе утро, Настенька! – раздался голос Эдика. Он появился, как чертик из табакерки, причем вид у него был свежий и выспавшийся. В отличие от жены он наверняка хорошо выспался.

– Ты ведь никогда в такую рань не встаешь? – спросила с удивлением Настя, а супруг, одарив ее белозубой улыбкой, ответил:

– Так о тебе беспокоюсь, солнышко! О тебе!

Звучало двусмысленно. О чем это он беспокоился – о том, чтобы вовремя найти ее бездыханное тело и как по нотам разыграть партию убитого горем вдовца?

Но тут раздался голос детей, собиравшихся в школу, и Анастасия отвлеклась.

За завтраком она ничего не ела, только выпила бокал апельсинового сока, и то после того, как увидела, что из хрустального кувшинчика наполнил себе бокал и осушил его Эдик.

¹ Хоули Харви Криппен (1862—1910), американский врач, казненный за отравление жены. Его имя стало нарицательным.

Она была еще в фирме, когда раздался звонок на мобильный – это оказался Эдик. Он пожелал узнать, как прошел визит к профессору и что тот сказал.

– Его секретарша что-то перепутала, поэтому он сможет принять меня только завтра. Но мне уже лучше, я практически здорова! – ответила она супругу.

Она действительно чувствовала себя неплохо, однако все равно не в своей тарелке. Даже ее сестра Светлана обеспокоенно спросила, все ли в порядке.

– Кажется, простудилась или что-то в этом духе, – ответила Настя, – но причин для волнения нет. Кстати, нет ли у тебя на примете хорошего и, главное, неболтливового врача?

Светлана пролистнула свой ежедневник и сказала:

– Вот, Аркадий Станиславович... Отличный специалист и очень хороший человек.

Она протянула сестре номер телефона, и когда Настя осталась в кабинете одна, она позвонила в приемную доктора. И вместо его секретарши напала на него самого. Голос у него был низкий, вибрирующий.

– Я могу предложить вам послезавтра, вас устроит? Раньше, увы, никак не получится. Вы хотите, чтобы я подъехал к вам?

Нет, этого Настя не хотела и записала адрес – врачебный кабинет Аркадия Станиславовича находился на Покровке.

Когда она вернулась домой, к ней сразу бросился Эдик.

– Почему ты меня обманула! – произнес он обиженным тоном. Настя, бросая на софу портфель с бумагами, произнесла:

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что ты не говорила с Аристархом Богдановичем! – выпалил он. – Я позвонил ему, желая пожаловаться на его нерасторопную секретаршу, а выяснилось, что ты ему и не звонила! Зачем ты меня обманула, Настя?

Итак, он проверяет ее. Причем пытается держать под контролем любой пустяк. А что говорить, если речь пойдет *о чем-то серьезном*?

– Ты шпионишь за мной? – спросила Анастасия насмешливо. Муж тотчас запротестовал, уверяя, что он желает только одного: чтобы с ней ничего не стряслось.

– Поэтому ты контролируешь каждый мой шаг? – осведомилась она. – *Ты на кого работаешь, Елецкий?*

Вопрос был шуточный, однако от нее не ускользнуло, как побледнел супруг. И как у него дернулся правый глаз. Паническая реакция длилась долю секунды и сменилась его обычными шутками и восклицаниями, но Анастасии хватило.

– Почему ты решил, что я звонила Аристарху Богдановичу? – спросила она. – Я что, разве говорила об этом?

– Но ты же назвала его профессором... – произнес Эдик, вдруг понимая, что сам поставил себя в дурацкое положение.

– И профессор в Москве, конечно же, только один он? – усмехнулась Настя. – Нет, я звонила другому человеку. Не хочу суеты и ненужной мишуры. И он примет меня послезавтра...

– Кто? – спросил быстро Эдик, но Анастасия только качнула головой.

– А вот это уже и не так важно. В конце концов, могут же быть у меня маленькие дамские секреты. У тебя же имеются твои большие мужские!

Это замечание окончательно смутило Эдика, и он ретировался. Анастасия же приняла решение и осуществила его на следующее утро. Говорила она не из дома, а из фирмы. Она позвонила Михаилу Точилину, главе детективного агентства «Закон и порядок», и договорилась с ним о встрече.

Они пересеклись в одном из японских ресторанов в центре столицы. Настя не хотела, чтобы Точилин приезжал к ней в офис: ведь шпионы могли иметься и там. Да и сама ехать к нему не хотела, так как за ней могли следить: этого она уже не исключала.

– Мне нужно, чтобы вы установили круг общения моего мужа, – произнесла Анастасия. – В особенности меня интересуют его... его тайные контакты!

Точилин не делал никаких замечаний, выражение лица у него было отстраненное, вернее, даже слегка безразличное.

– Кроме того, мне надо знать, следят ли за мной или нет, – продолжила она. – И все это чем быстрее, тем лучше!

Точилин кивнул и сказал:

– Желание клиента – закон. Постараюсь раздобыть информацию уже к завтрашнему дню. Во всяком случае, что касается вашего драгоценного супруга.

Он что, иронизировал – *или ей показалось?*

– Со слежкой тоже разберемся, начнем прямо сейчас. Но тут не всегда можно узнать, кто является заказчиком...

Анастасия пододвинула ему конверт из плотной бумаги и произнесла:

– Надеюсь, что вы задействуете все способы, чтобы установить истину...

Это было в среду.

А в четверг она проснулась и, уставившись в потолок, задумалась о том, что у нее имеется враг. Причем не такой, каких у нее было уже множество. Завелась некая черная тень, которая хотела накрыть собой всю ее жизнь. И забрать себе все, что было ей, Анастасии Бойко, дорого и ценно.

Раздались приглушенные толстым ковром шаги – и Анастасия увидела стоявшего перед своей кроватью Эдика. Супруг был полностью обнаженным.

– Хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Настенька! – заявил он, забираясь к ней под одеяло. – Я ведь так по тебе соскучился...

– Я же не знаю еще диагноза... – произнесла она, на что муж, наваливаясь на нее, ответил:

– Какая разница! Свинка так свинка! Хоть бубонная чума, однако я не намерен больше спать в другом крыле!

Настя почувствовала, что, несмотря на все то, что ей было известно, ее тело отзывается на ласки мужа. Соски затвердели, внизу живота приятно заныло. *Все же Эдик отлично знал свое дело...*

А также, по всей видимости, она ничем больна не была. Потому что сам подсунул ей какую-то гадость, от которой она себя плохо почувствовала. Ибо с тех пор никаких таких припадков больше не было.

Значит...

Как ни старалась Анастасия отвергнуть ласки Эдика, у нее ничего не получилось. У них вышел акт любви – быстрой, дикой, опустошающей. Когда супруг, чмокнув ее на прощание, отправился в ванную, Настя услышала, как запищал ее мобильный.

Пришло сообщение от Точилина – он хотел встретиться с ней во второй половине дня. Настя нахмурилась: четверг всегда был днем напряженным, и этот не являлся исключением. Сначала дела в фирме, а вечером – участие в благотворительном аукционе, который тоже был частью бизнеса, правда, чужого.

Быстро написав ответ, она положила телефон на тумбочку. А затем ее взгляд упал на мобильник Эдика. Конечно же, последняя модель дорогущего телефона, который и телефоном-то уже не был, а целым компьютером.

Муж, заявившись к ней для занятия сексом, притащил с собой и мобильник. Зачем только? Он что – ожидал важного звонка?

Или боялся оставить телефон без присмотра?

Настя взяла в руки мобильный супруга. Хорошо бы проверить его телефонные звонки и СМС. Хотя этим, конечно, займутся люди Точилина, но вдруг они не все выяснят.

Мобильник паялся на нее черным экраном, и Настя нажатием кнопки сбоку активировала его. И поняла – чтобы пользоваться телефоном, ей требовалось ввести пароль. *Эдик явно не хотел, чтобы его телефоном пользовались другие.*

Она положила его на тумбочку, и в этот момент из ванной вышел муж. Его взгляд упал на собственный мобильный, и он, рассмеявшись, сказал:

– Я только что побывал в райских кущах, поэтому забыл о суровой реальности.

Он подхватил телефон и, поцеловав жену и пожелав ей хорошего дня, направился прочь из ее комнаты.

– Мы ведь увидимся сегодня на аукционе? – спросила она его, и Эдик произнес:

– Ну конечно, Настенька!

Он исчез, а женщина так и не решилась задать ему вопрос о том, отчего его мобильный защищен паролем. Ведь это будет означать, что она пыталась проникнуть в него.

Четверг действительно выдался крайне напряженным. Анастасия прибыла в фирму с опозданием, причем серьезным: виной тому были пробки на дорогах. Пока стояла в пробке, она обдумывала сразу несколько вещей.

Ей не терпелось узнать, на кого же работает ее благоверный. А то, что она узнает это, Анастасия не сомневалась. Быть может, не сегодня, и придется подождать, но рано или поздно ей станет известно имя этого человека.

Но был ли этот субъект ее врагом?

Хуже всего ей было осознавать, что Эдик оказался предателем и мерзавцем. Впрочем, он не предал ее – наверняка он и женился на ней по чьему-то указанию. Его внедрили ей в постель, как одна спецслужба внедряет в другую «крота», потом кропотливо поставляющего информацию своим истинным хозяевам.

И дело было даже не в этом, хотя, конечно же, и в этом тоже. Дело было в том, что этого «крота», того самого, который с такой страстью предавался сексу рано утром в ее постели, она все еще...

Любила? Нет, не то чтобы любила... *Обожала?* Нет, точно не обожала, хотя... Во всяком случае, к которому она была еще привязана и к которому испытывала чувства. Ненависть – тоже чувство, да еще какое. А она, идиотка, сохнет по Эдику.

Невероятным усилием воли Анастасия приказала себе переключиться с мужа на вопросы бизнеса. Не успела она начать просчитывать одну важную операцию, как зазвонил мобильный. На связи была Светлана.

– Настя, только что пришел факс от Дуйменова. Он хочет с нами встретиться. Причем сегодня!

Сегодня... Анастасия вспомнила, что ей было назначено у Аркадия Станиславовича. Но не может же она пропустить встречу со своим самым опасным конкурентом только по причине того, что ей надо к врачу, который должен установить: отравляет ее собственный муж или нет.

– Ну что ж, – заметила с удовлетворением Настя, – у него ведь нервы тоже пошаливают! Ответьте, что получится только на следующей неделе. Пусть в выходные помучаются!

Светлана быстро произнесла:

– Настя, это ультиматум! Они перечислили ряд условий. Давай я тебе зачитаю...

По мере того как сестра зачитывала ей факс, настроение Анастасии портилось. Похоже, Дуйменов объявил ей войну!

– Все равно ответьте отказом! – заявила она, уязвленная более всего тем, что олигарх ожидал – на поклон к нему придет именно она. Причем как нашкодившая школьница, в то время, которое он назначил ей сам.

– Настя, лучше приезжай, нам надо это обсудить, – ответила сестра. – Потому что у нас есть время до часа дня. Я уже созвала «летучку»...

То, что Светлана была прекрасным менеджером, Анастасия не сомневалась – она просто знала это. Однако она также знала, что Светлане не хватало той искры то ли гениальности, то ли азарта, которая и делала из отличного теоретика великолепного практика.

Когда Анастасия вошла в офис, часы показывали уже без четверти десять. Совещание ответственных сотрудников шло, и вела его Светлана. Несколько секунд Анастасия стояла в коридоре, наблюдая за сестрой сквозь стеклянную стену.

Они ведь были внешне похожи – грациозные, высокие шатенки с длинными волосами. Но на этом сходство и заканчивалось: Анастасия предпочитала экстравагантный стиль в одежде, Светлана же отдавала предпочтение консервативному. Да и личная жизнь у сестер сложилась по-разному: Анастасия вышла замуж во второй раз и являлась матерью двух детей, а Светлана, которая была старше ее на полтора года, так и осталась старой девой, а к племяннице и племяннику относилась прохладно, явно не сожалея, что сама не родила. Наконец, в бизнесе Светлана была отличным советчиком и великолепным аналитиком, однако Анастасия понимала: сестра могла бы возглавлять чужую фирму, но никогда бы не сумела создать, как она сама, с нуля свою собственную. И уж точно не «империю», пусть и крошечную.

Светлана, стоявшая около доски и быстро что-то писавшая фломастером по большому бумажному листу, чуть повернула голову – и заметила Настю. Скупно улыбнувшись, она кивнула ей. Настя стряхнула тягостные мысли – Света была единственным человеком, которому она доверяла, как себе, они вместе прошли огонь, воду и медные трубы. И, если что-либо случится, она будет отличной приемной матерью своим племянникам...

Только ничего, конечно же, не стрясется. Запретив себе думать о подобных глупостях, Анастасия шагнула в конференц-зал.

А ровно в час дня она, сопровождаемая Светланой, а также главой юридического отдела, прошла в холл штаб-квартиры холдинга Всеволода Дуйменова.

Анастасия признавала правоту сестры – да, ультиматум Дуйменова нельзя было игнорировать. И затягивать принятие решение тоже было опасно. Однако и принять его условия было подобно смерти, точнее, *самоубийству*.

На прием к олигарху они отправились втроем. Благо что его штаб-квартира располагалась, как и ее собственная, в Москва-Сити: в соседнем стеклянном небоскребе. Только в таком вот небоскребе она снимала часть одного этажа, на котором и размещался головной офис ее фирмы.

А Дуйменову принадлежал целый небоскреб, и его кабинет располагался – как могло быть иначе! – на самом верху.

Перед тем как попасть в лифт, им пришлось подвергнуться унижительной процедуре прохождения через рамку. Обыскивали их молодчики в черных костюмах и черных очках: кажется, господин Дуйменов насмотрелся фильмов про жизнь российских миллиардеров, стараясь соответствовать всем стереотипам.

Первой прошла Светлана, и раздался тонкий писк: рамка среагировала на ее тонкое серебряное ожерелье. Затем последовал глава юридического отдела, вынужденный положить свой портфель в сторону. Опять что-то запищало, и пока его с пристрастием обыскивал тип с портативной рамкой в руке, другой бесцеремонно открыл портфель, вынул оттуда документы и передал их невзрачному типу, своему боссу, который стал наглым образом их просматривать.

Анастасия понимала, что им намеренно указывают на то место, которое отводилось ей и ее фирме, по мнению всемогущего Дуйменова. Еще бы, по сравнению с ним, она – пигмей. А ее фирма по сравнению с его гигантским холдингом – мышь по сравнению с бронтозавром. *Только вот бронтозавры вымерли, а мыши живут до сих пор.*

Анастасия готовилась шагнуть через рамку, когда дверь лифта распахнулась и оттуда появился крошечный, абсолютно лысый тип в темно-синем костюме и очках в золотой оправе – это была правая рука олигарха.

– Анастасия Петровна, Светлана Петровна! – пропел он и мгновенно нахмурился. – Осторопы, вам же было сказано: пропустить немедленно, без всяких проверок!

Типы в черных костюмах потупились, их босс, засунув папку обратно в портфель, застегнул его и передал ошарашенному главе юридического отдела, с которого потребовали снять ремень.

– Извините, Антон Антонович, нам не передали, – сказал он с еле заметной улыбкой.

– Не передали? – изумился коротышка. – Ну, Каргин, это тебе так не пройдет! Получите все взыскание и премий лишитесь!

Он выскочил через рамку к Насте и галантно подал ей руку.

– Прошу прощения, эти солдафоны русского языка не понимают! – пропел он, чуть склоняясь над рукой Анастасии, словно желая ее поцеловать. Хотя вампиры, подумала отчего-то женщина, так склоняются над своими жертвами, изучая их *перед тем, как вонзить в них клыки.*

– Тогда говорите с ними по-английски. Или по-корейски! – заметила Анастасия без тени улыбки и выдернула руку из потных ладошек Антона Антоновича.

То, что тот разыгрывал дешевую комедию, было и ежу понятно. Наверняка ребятам внизу был отдан приказ как следует потрясти гостей, а правая рука олигарха примчался якобы с опозданием и спас их от злобных охранников. Игра в «доброго полицейного» и «злого полицейного» началась.

Коротышке не оставалось ничего иного, как залиvisto расхохотаться, выказывая восхищение шуткой Анастасии.

Он препроводил ее, Светлану и главу юридического отдела в лифт и, нажав единственную кнопку – лифт был особый, предназначенный для пользования только самим Дуйменовым, – произнес:

– Если бы вы знали, как сложно найти толковых людей для службы безопасности! Приходится нанимать таких вот, которые от усердия лоб готовы расшибить. Еще раз приношу свои самые искренние извинения.

Этим «самым искренним извинениям» Анастасия ни на секунду не верила.

– Нет, не знаем, – произнесла она, – у меня в фирме нет службы безопасности!

Антон Антонович, поцокав языком и сверкнув стеклами очков, произнес:

– Незаменимая вещь, скажу я вам! Ведь жизнь – крайне непредсказуемая штука! Никогда не знаешь, из-за какого угла тебя дубинкой ударят! Так что лучше всегда посылать за угол таких вот молодчиков с бронированными черепами!

Лифт замер, и Настя ощутила, что в ушах у нее заложило. Что означала эта якобы ироническая фраза коротышки: *он ей угрожал?*

Если учесть, что в небоскребе было шестьдесят или даже восемьдесят этажей, то работали в нем много сотен человек – и все трудились к вящей славе Всеволода Дуйменова. Олигарх, проводивший изрядное количество дней то в Лондоне, то в Монако, крутил когда-то романчик с какой-то второразрядной сериальной актрисой, что, впрочем, обеспечило ему доступ в закрытые тусовки сливок европейского и заокеанского общества.

Однако большую часть времени олигарх проводил все же в России, так как боялся выпускать бразды правления из рук на долгое время – да и стремился не только удержать свою империю на прежнем уровне, но и расширить зону влияния.

И именно фирма Анастасии мешала ему, являясь невесть откуда взявшимся юрким конкурентом. Причем конкурентом назойливым, не желающим сворачивать с пути.

Анастасия услышала, как шумно втянул воздух начальник юридического отдела. Еще бы, если холл, в котором располагалась личная секретарша олигарха, был размером с футбольное поле, то каков же кабинет самого миллиардера?

Даже лицо Светланы, обычно невосприимчивой к подобного рода шоу, чуть порозовело. Что же, холдинг Дуйменова ворочал сотнями миллионов и миллиардами – в свободно конвертируемой валюте. А сам он значился в списке богачей «Форбс».

По меркам девяноста пяти процентов населения страны, Анастасия бедной не была, вернее, являлась очень даже богатой. Ее фирма заключала контракты на многие миллионы, у нее имелся просторный подмосковный особняк, а на черный день – три или даже четыре миллиона в той же самой свободно конвертируемой валюте. Но у Дуйменова было примерно в тысячу раз больше.

Стол секретарши был огромен и больше походил на центр управления космолетом из фантастического блокбастера. Да и сама секретарша была эдакой помесью Клаудии Шиффер и белой акулы.

Мурыжить их более никто не намеревался. Секретарша мило улыбнулась – наверное, так улыбалась сказочная ведьма, отправляя очередного ребенка в печку, – и произнесла:

– Добрый день, Анастасия Петровна! Добрый день, Светлана Петровна!

Начальник юридического отдела удостоился всего лишь кивка. Анастасия поняла, что костюм секретарши стоит в два раза дороже, чем ее собственный вместе с костюмом сестры. Неужели Дуйменов был таким щедрым – или прибавку к зарплате эта особа получила, выполняя дополнительные, в контракте не зафиксированные функции?

Эта мысль вызвала у Насти улыбку, и это, кажется, секретарше не понравилось. Сузив глаза, она произнесла:

– Всеволод Дмитриевич ожидает вас. Прошу вас следовать за мной!

Анастасия двинулась за ней, а вслед потянулись и Светлана с начальником юридического отдела. Однако вездесущий Антон Антонович пропел:

– Нет, Всеволод Дмитриевич ожидает только Анастасию Петровну. Вам придется подождать здесь. Однако не огорчайтесь – кофе у нас просто великолепный!

Это была даже не пощечина, а удар в солнечное сплетение. Анастасия обернулась, увидев, как на лице сестры отразилось смятение. Начальник юридического отдела стоял, вцепившись в портфель.

Настя Бойко лихорадочно размышляла – принять правила странной игры или нет? Потому что если она перегнет палку, заявит, что не отправится на встречу без сопровождающих лиц, то им могут на полном серьезе указать на дверь. А раз уж она пришла сюда, то ей требовался результат!

Хотя результат мог быть, конечно, отрицательным.

Поэтому, обратившись к сестре и подчиненному, Анастасия произнесла:

– Что ж, прошу вас подождать в приемной. Однако не сомневаюсь, что вы понадобитесь мне позднее, поэтому я вас позову.

И, очаровательно улыбнувшись Антону Антоновичу, явно намеревавшемуся следовать за ней, добавила:

– Вы же сами сказали, что ваш босс ожидает только меня. А никак не вас. Поэтому буду вам крайне признательна, если вы приготовите для моей сестры кофе – с молоком и сахаром, а для моего начальника юридического отдела без молока и без сахара.

На лице Антона Антоновича возникла злобная ухмылка, а Анастасия последовала за секретаршей, прошедшей в небольшой коридор и остановившейся около бронзовой с рельефом двери – ни дать ни взять вход в старинный собор.

Секретарша осторожно постучала, а потом приоткрыла дверь. Затем распахнула ее полностью и произнесла:

– Прошу вас!

Проходя мимо секретарши и ощутив запах ее парфюма – кстати, такого же, которым пользовалась она сама, – Анастасия сказала:

– А мне, пожалуйста, чай. Липовый, неплохо бы с медом. Он ведь у вас тоже великолепный?

Она шагнула в святая святых – кабинет олигарха Дуйменова. У Анастасии захватило дыхание – конечно, она бывала, к тому же частенько, в кабинетах сильных мира сего как в России, так и за границей.

Однако помещение, где она оказалась, кабинетом не было – потому что занимало почти целый этаж небоскреба. Потолок представлял собой удивительные прозрачные блоки, через которые можно было разглядеть сентябрьское небо и повернувшее на осень солнце.

Наверное, так выглядел бы тронный зал какого-нибудь страдавшего манией величия монарха. А Всеволод Дуйменов, бесспорно, и был монархом. *И, вероятнее всего, страдавшим манией величия.*

Анастасия обернулась, ошарашенная тем, что обнаружить письменного стола ей не удалось. В гигантском помещении было несколько огромных, казавшихся бесконечными, диванов: один белый, один черный и один красный.

Диваны-то были, а вот хозяина кабинета не наблюдалось. В помещении она была одна. Анастасия понимала, что это психологический ход, нацеленный на то, чтобы смутить ее.

Анастасия дотронулась до двери – та была заперта. Значит, выхода отсюда не было. Разве что через окно, по воздуху, прямиком с восемьдесят какого-то этажа на асфальт. Поэтому она подошла к окну, тянувшемуся куда-то вдаль, и стала любоваться панорамой столицы.

Ей показалось, что за спиной послышался шорох, и ей на мгновение сделалось страшно. Потому что она была во власти этого странного миллиардера, и он мог сделать с ней и ее спутниками все что угодно. И никто никогда бы не узнал правду об их исчезновении...

Усилием воли Анастасия запретила себе оборачиваться. Выждав несколько казавшихся вечностью минут, она повернулась, ожидая увидеть Дуйменова у себя за спиной – и убедилась, что в помещении по-прежнему никого нет.

Ее взгляд приковала огромная картина: на черном фоне несколько рядов с разноцветными гоночными автомобилями. Искусством Анастасия интересовалась постольку-поскольку, однако без труда узнала в этом полотне одну из легендарных работ Энди Уорхолла. Причем некоторое время назад она была куплена на одном из западных аукционов за астрономическую сумму клиентом, пожелавшим остаться неизвестным.

Она подошла к картине, и вдруг что-то привлекло ее внимание. Анастасия дотронулась до нее, и в этот момент часть стены, на которой висел шедевр, отъехала вбок – и перед ней предстал облаченный в черный костюм без галстука улыбающийся лысеющий блондин с холодными зелеными глазами.

Это и был Всеволод Дуйменов.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать! – произнес он. – Однако это помещение – лакмусовая полоска для моих гостей. Или, выражаясь по-иному, проверка на вшивость. Занятно наблюдать за человеком, который вдруг оказался взаперти в помещении, в котором как будто ничего нет. Некоторые впадают в ступор, другие начинают буянить, наконец, иные ведут себя неадекватно. А ведь надо только присмотреться – и найти выход! Точнее, вход!

Он посторонился, и Анастасия увидела, что в глубине большого кабинета, который скрывался за раздвижной стеной, находились и столы с компьютерами, и множество огромных экранов, по которым бежали изломанные линии банковских курсов.

Она проследовала за олигархом в его кабинет, он указал на кресло, и в этот момент через другую дверь бесшумно вошла секретарша, державшая на серебряном подносе чашку и блюдечко. Кто бы мог подумать, но в чашке был липовый чай, а в блюдечке – мед.

Дождавшись, пока секретарша столь же бесшумно не удалится, Дуйменов сказал:

– Незаменимая особа! Кстати, не хотите ли сигару?

Он вынул из изящного ящичка кубинскую сигару. Анастасия лишь усмехнулась и сказала:

– Очень любезно с вашей стороны, но я не курю.

– Не говорите только, что это вредно для здоровья! – заявил, зажигая сигару и затягиваясь, миллиардер. – И знаете почему? Потому что рано или поздно мы все равно умрем!

Он явно неспроста завел разговор на эту тему, поэтому Настя осторожно ответила:

– Но все же, согласитесь, имеет значение, умрете вы сегодня или, скажем, через тридцать лет.

– О, сегодня я умирать не собираюсь, – заявил Дуйменов. – А вы, Анастасия Петровна?

Настя ничего не ответила, только сделала глоток чая и произнесла:

– Ваша незаменимая секретарша – мастерица на все руки. Чай невероятно вкусный!

Миллиардер же, усевшись в кресло напротив нее, положил ногу на ногу и заметил:

– Рад, что вы решили принять мое приглашение. Потому что нам есть о чем поговорить...

Анастасия молча пила чай. Потому что раз Дуйменов ее позвал, значит, она ему требовалась. А не наоборот.

– Вы ведь умная женщина, даже очень умная, – сказал он, пуская клубы дыма, – но все же не настолько, что можете вступить со мной в схватку, надеясь одержать победу. И это не потому, что вы женщина. Я не шовинист. Мне и мужики проигрывают, причем такие, имена которых заставляют многих трепетать. Встречались мне и женщины, которые всех этих мужиков сделают одной левой. Но и их я тоже сжевал с костями. А вы, Анастасия Петровна, не чета им.

– Что заставляет вас так считать? – спросила Анастасия, она понимала, что Дуйменов оказывает на нее психологическое давление. Однако ей было интересно вести беседу с этим самовлюбленным властелином.

– А то, что вы пришли ко мне, а не я к вам! – заявил тот. – Это как с примером о том, кому сколько жить осталось: кому-то, например вам, всего несколько часов. А кому-то, мне например, тридцать лет. А в течение этих тридцати лет будет изобретен способ продления физиологического существования до бесконечности, и я им воспользуюсь и буду жить вечно! Или он, быть может, уже изобретен...

Он говорил спокойно, явно веря в то, что ей рассказывал. И в то же время тонко над ней издевался – Анастасия в этом ничуть не сомневалась.

– Так и с бизнес-карьерой. У меня миллиарды, а у вас крохи с барского стола. Не вам со мной бодаться! Поэтому примите мое предложение – вам будет проще! Иначе я вас раздавлю! Раздавлю, как давил многих до вас и буду давить многих после вас! Уйдите с моего пути!

Это была уже неприкрытая угроза. Анастасия снова отпила чая, поставила чашку на поднос и заметила:

– Все-то оно, конечно, так, однако вы забываете одно, Всеволод Дмитриевич: Аннушка, не исключено, уже разлила подсолнечное масло! И предназначено оно именно вам.

Это невинное, по сути, замечание вывело миллиардера из себя. Он вскочил, подошел к креслу, в котором сидела Настя, и склонился над ней, тыча ей в лицо зажженной сигарой.

– Ты что, угрожать мне вздумала? Ты ведь вмешиваешься не в свои дела! Предлагаю тебе за твою фирму хорошую цену, не бросовую, а вполне приемлемую. Тебе этих денег до конца жизни с лихвой хватит. Тебе и твоим детишкам!

Его лицо перекошилось, в лицо Насте летела слюна.

Оттолкнув от себя Дуйменова, Анастасия сказала:

– Разве мы с вами уже перешли на «ты»? Что-то не припомню! Так каково ваше предложение с финансовой точки зрения?

Олигарх немедленно превратился в прежнего, галантного любителя философствовать.

– Молодец, так бы и давно! Потому что не вам со мной тягаться. Вот, получите!

Он взял со стола папку, вынул из нее сиреневую бумажку, оказавшуюся чеком на предъявителя в одном из швейцарских банков. Анастасия бросила взгляд на сумму. Что ж, жадюгой назвать олигарха было нельзя. Сумма, которую он предлагал ей за ее фирму, была более чем солидная.

– Договор тоже уже готов! – сказал он, попыхивая сигарой. – Вы ведь притащили свою сестрицу и этого увальня-юриста? Валяйте, пусть читают договор! Даю вам на все про все ровно час. Подписываете, получаете чек – и начинается сладкая жизнь!

Анастасия взглянула на Дуйменова и спросила:

– А зачем вам моя фирма? Вы ведь готовы отвалить за нее такой куш.

– Мне проще купить сейчас, чем выбросить в пять раз больше на затяжную войну, которую вы все равно проиграете! – ответил олигарх. – Только если думаете, что сумеете набить цену, то не выйдет. Предлагаемая мной цена, и вы сами это знаете, превосходит все ваши самые смелые ожидания!

Анастасия сложила вдвое чек и спросила:

– А что, если я откажусь? Будет война?

– Нет, не война, – ухмыльнулся Дуйменов, – бойня. Вы проиграете, фирму потеряете, а вместе с ней и все свои активы, подмосковный особняк и ваш привычный образ жизни богатой леди. Вы останетесь без всего – это я вам гарантирую! Вы и ваши детишки!

Он не шутил – Анастасия знала, что *так оно и будет*.

– Выходит, что вы все же меня испугались, ведь так? – спросила она его. – Решили завалить меня деньгами, избегая прямого боя?

Дуйменов расхохотался и, затянувшись, пояснил:

– Нет, я всего лишь готов платить надбавку за экспресс-доставку. Это не я вас испугался, а вы меня. Поэтому нечего точить ласы – совещайтесь со своими людишками и подписывайте договор. Или делайте это прямо сейчас: тогда, быть может, накину еще полпроцента!

Анастасия приняла решение, и она знала, что оно – единственно верное.

– Давайте договор! – произнесла она, и олигарх, усмехнувшись, протянул ей папку.

Она раскрыла ее и обнаружила два экземпляра заготовленного крючкотворами миллиардера контракта. Она пробежала глазами страницы – стоит ей поставить под этим подпись, как она лишится фирмы, но в обмен получит столько денег, сколько она, наверное, никогда не заработает.

Ей ведь нет и сорока, имеется молодой муж и двое детей. Весь мир у ее ног. *Так почему бы...*

– Ручку! – произнесла она, и Дуйменов, выпуская дым, протянул ей ручку с золотым пером.

Он внимательно наблюдал за тем, как Анастасия подписала оба договора, а когда она протянула ему папку, с удовлетворением сказал:

– Оказывается, я был о вас слишком высокого мнения. Вы сдались немедленно, даже не пытаясь торговаться. Насчет полпроцента была, конечно же, шутка. Ничего вы не получите!

Он оглушительно рассмеялся, а потом раскрыл один из договоров – и вдруг закашлялся. Лицо его покраснело, потом побагровело, из глаз хлынули слезы. Он повалился на колени, судорожно кашляя. Анастасия, наблюдая за поверженным врагом, подошла к нему и несколько раз сильно ударила его по спине.

Кашель прошел, миллиардер судорожно вздохнул. И Анастасия сказала:

– Вы так переволновались, что откусили кончик сигары, проглотили его, а он попал вам в трахею. Еще пара мгновений – и здесь бы лежал ваш холодный труп. И это с учетом того, что вы намерены жить сначала тридцать лет, а потом вечно. Как я и сказала, Аннушка уже разлила подсолнечное масло. Точнее, в вашем случае, Хосе уже скрутил сигару...

Миллиардер медленно поднялся – лицо у него было еще лиловое, но он уже вполне владел собой.

– Думаешь, самая умная?

– Ну отчего же, – возразила Настя, – несомненно, есть намного умнее меня. Но вы – не из их числа, Всеволод Дмитриевич!

Тот схватил договор и потряс им. Анастасия увидела собственные каракули на последней странице – то, что она там написала, не предназначалось для детских глаз, однако точно отражало суть проблемы.

– Да ты знаешь, что я с тобой сделать могу? – крикнул Дуйменов, сатанея. – Я прикажу своим ребятам...

– Вы все же обязаны мне своей никчемной жизнью, не забывают это! – заявила холодно Анастасия. – Или вы предпочли бы сейчас лежать на ковре мертвым? И меня уж точно никто бы не обвинил в вашем убийстве. Нелепый несчастный случай, вот и все. О вашей кончине даже сняли бы эпизод в комедийном сериале «Самая идиотская смерть».

Миллиардер, казалось, был на грани апоплексического удара. Однако он вдруг успокоился – и Анастасия поняла, что он тоже принял решение.

– Что ж, вы сделали свой выбор, – сказал он, – и никто не вправе осуждать вас. Однако если вы уж завели речь об Аннушке, разлившей подсолнечное масло... Ведь, кто знает, поскользнуться придется именно вам, причем намного раньше, чем вы думаете.

Он ногой распахнул дверь, выпроваживая из своего кабинета Анастасию. Та с другого конца коридора вернулась в приемную, где заметила напуганную Светлану и бледного начальника юридического отдела.

– Благодарю вас за гостеприимство! – произнесла Анастасия, а ее сестра на пороге добавила:

– А кофеек у вас, скажу честно, был жидковат!

Наконец они оказались на улице, около небоскреба Дуйменова. Его люди выпустили их без всяких проблем, никто не бросался наперерез и не старался задержать. Светлана все пыталась узнать, чего же хотел от Насти миллиардер.

Когда они вернулись к себе в офис, Анастасия все же назвала сумму, которую тот предлагал за фирму. Светлана нахмурилась и заявила:

– Все же это предложение, которое стоило обсудить со мной, прежде чем отказываться...

– Не забывай, что владелица фирмы – я! А ты всего лишь моя служащая! – вспыхнула Анастасия, впрочем, сразу же пожалевшая об этой фразе.

Она извинилась перед сестрой, которая сухо заметила:

– Как знаешь, Настя. Просто теперь ты разбудила спящих собак, точнее, целую их стаю. Потому что Дуйменов тебе этого не простит. И он... он в итоге раздавит нас. И речь тогда будет идти не только о твоём поражении, но и о поражении всех нас!

Назвав сестру паникершей, Анастасия ушла в свой кабинет. Там она расплакалась, коря себя за то, что оказалась такой истеричкой и нюней. И незаслуженно обидела Светлану, которая была права.

Но уступать Дуйменову она не намеревалась. И то, что он раздавит ее фирму, было всего лишь одним из вариантов развития ситуации – ни больше ни меньше.

Запищал ее мобильный, и она увидела, что вскоре ей предстоит визит к доктору Аркадию Станиславовичу. Приведя себя в порядок, Анастасия вышла из кабинета. Она постучалась к сестре, однако Светлана, завидев ее, сказала:

– Извини, у меня очень много работы! Давай как-нибудь в другой раз!

– Света, мне очень жаль, что я сорвалась. Сама не знаю, почему в последнее время вся на нервах. Я не хотела...

Та подняла на нее глаза, устало улыбнулась и ответила:

– Я понимаю, что дело всей твоей жизни пытается разрушить могущественный враг. Понимаю твои чувства, Настя, но в такой ситуации, которая является заранее проигрышной, лучше отступить. Думаю, если связаться с Дуйменовым, то он согласится выплатить ту сумму, о которой вы вели с ним речь. Война ему тоже не нужна...

– Никакой продажи не будет! – крикнула Анастасия. – И тот, кто придерживается иного мнения, волен выбирать, оставаться ему в моей команде или лучше перебраться в команду Дуйменова. Это и тебя касается, Света!

Она знала, что в очередной раз незаслуженно обидела сестру. Анастасия была зла на себя, но поделать ничего не могла. Война с олигархом, а тут еще эта странная история с отравлением...

Внезапно она снова ощутила легкий спазм. Да что такое? Не хватало еще, чтобы вскрылось, что у нее *неоперабельный рак!*

К доктору она опоздала, однако ее сразу провели в его кабинет, едва она вошла в приемную. Аркадий Станиславович оказался приятным мужчиной средних лет, с седыми волосами и умным живым лицом. Анастасия сразу же почувствовала к нему расположение.

Он расспросил ее о симптомах, записал что-то в большой блокнот, а потом произнес:

– Что же, начнем с нескольких самых простых тестов. Ведь объяснение всему непонятному и загадочному в подавляющем большинстве случаев самое простое!

На Настю вдруг накатила волна паники. Доктор заверил, что волноваться нет причин, однако это ее не успокоило. Пока она ждала в небольшой комнатке, в которой приглушенно играла классическая музыка, ее начала бить дрожь. Результаты тестов, как заверил Аркадий Станиславович, станут известны через несколько минут.

Когда наконец появился врач, Анастасия ощутила, что готова упасть в обморок. Сидя на кушетке, она произнесла заплетающимся языком:

– Это так ужасно? Скажите, это рак? Или что-то иное, тоже смертельное?

Аркадий Станиславович улыбнулся и ответил:

– Я же сказал, что для беспокойства причин нет. Что же касается вашего вопроса, то жизнь – это, как известно, смертельная болезнь, передающаяся половым путем. Все мы смертны, однако в данном случае речь идет не о кончине, а о начале новой жизни. Потому что рад сообщить вам отличную весть, Анастасия Петровна. Вы беременны и станете матерью!

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать то, что сказал доктор. *Она беременна* – только как это возможно? Хотя вопрос был дурацкий, ведь у нее имелся молодой резвый муж, охочий до любовных игр.

– Но ведь я предохраняюсь, – призналась Анастасия. – Мы с мужем приняли решение, что детей нам больше не надо...

– Такое бывает, – сказал доктор, – нечасто, но бывает. Природа берет свое. Или малыш, которого вы носите в себе, должен в любом случае появиться на свет. Судьба, так сказать!

– Но мне уже тридцать девять! – воскликнула Анастасия. – И у меня уже имеется два ребенка!

Доктор нахмурился и сказал:

– Вы хотите сказать, что желаете прервать беременность? Конечно, это возможно, срок еще вполне позволяет, однако предлагаю вам не принимать скоропалительных решений...

Ребенок... Одно дело – родить, когда тебе девятнадцать или двадцать девять, а другое – когда тебе почти сорок! Для кого-то это неземное счастье и самая волшебная новость на свете: для того, кто хочет этого ребенка всеми фибрами своей души.

Нет, не то чтобы она не хотела этого ребенка, но... *Она его не планировала!* Поэтому-то она и трактовала симптомы беременности по-своему, думая, что ее отравили или что у нее неоперабельный рак!

Отец ребенка очевиден: Эдик. Последний год с небольшим она занималась сексом только с ним. Но ребенок от этого, по сути, большого ребенка? Большого ребенка, который что-то затевает против нее?

Мысли лихорадочно крутились у нее в голове. Если она решит вынашивать ребенка, то рано или поздно ей придется уйти в декрет. А потом роды. И возня с малышом. Дуйменову только этого и надо: она ведь не сможет концентрироваться на их противостоянии... *Она окажется легкой добычей!*

– Поверьте мне, ребенок в подобной ситуации – явно знак свыше, – убеждал ее Аркадий Станиславович. – Позволю себе заметить, что вы дама более чем обеспеченная. Многие представители элиты пытаются завести собственного малыша, но не могут. А вы зачали, хотя теоретически это было невозможно...

Да, и невозможное стало возможным. Анастасия продолжала обмозговывать ситуацию. Вероятно, она чудовищная мать в глазах многих женщин, однако она не хотела этого ребенка! Помимо того что беременность и роды надолго выбивали ее из колеи, она не хотела усиления Эдика. А он, став отцом ее малыша, конечно же, будет предъявлять претензии. Более того, *его ребенок станет наследником ее фирмы!*

Фирмы, которой, впрочем, скоро не будет. Но чтобы этого не произошло, ей требовалось быть во всеоружии. А как она может быть во всеоружии, сначала находясь на сносях, а потом таскаясь с младенцем?

– Уверен, что шок пройдет, потому что это позитивный шок, – вещал доктор. – И вы примете правильное решение. Ребенок у вас не первый, соответственно, вы знаете, что вас ожидает...

Вот именно поэтому она и не хотела этого ребенка! Нет, она не имела ничего против этого трогательного комочка, сидевшего в ее животе. В другое время, при других обстоятельствах он был бы желанным и горячо любимым. Но ему следовало появиться на свет или на год раньше, или на год позже. Потому что через год, Анастасия в этом не сомневалась, она сумеет справиться с Дуйменовым и его притязаниями на ее фирму.

Но сейчас... *Сейчас он ей не требовался!*

– В конце концов... – вздохнул врач, видя ее скептическое выражение лица. – В конце концов, вы можете подумать об анонимном усыновлении. У меня есть контакты, вашего малыша с радостью возьмут к себе на воспитание бездетные пары, у которых есть деньги и которые страстно желают стать родителями. Все пройдет без привлечения общественности, никто ничего не узнает, а вашему ребенку будут гарантированы любящие мама и папа и отличное будущее...

Он что, на полном серьезе предлагал ей стать инкубатором на двух ногах? Впрочем, для ребенка, которого она не хотела, не такое уж и плохое решение. Но ведь все равно на ближайшие месяцы она выпадала из жизни – *и это в разгар войны с Дуйменовым!*

– В любом случае вам придется встать на учет и подумать о соблюдении простых, но действенных правил, столь важных для здоровья малыша, – добавил Аркадий Станиславович. – Давайте мы составим график ваших ко мне визитов...

Анастасия вскочила с кушетки и заявила:

– Благодарю вас, доктор, один только вопрос: это точно, что я беременна?

Тот улыбнулся и сказал:

– Да, точно, ошибки быть не может. Вам не стоит беспокоиться...

– Я и не беспокоюсь! – прервала его Анастасия. – Вы ведь связаны врачебной тайной, не так ли? Извините, не хотела вас обидеть! Просто мне огласка сейчас не нужна.

Доктор проводил ее обратно в свой кабинет и сказал, подходя к компьютеру:

– Итак, вы, вероятно, помните, что вам можно делать, а что нет, однако позволю себе напомнить об этом еще раз...

Мобильный Анастасии запищал – пришла СМС с фирмы. Дуйменов нанес ответный удар, и требовалось ее решение по важному вопросу.

– Доктор, это потом, при случае! – заявила она. – Сейчас мне пора! Я с вами, быть может, свяжусь!

Аркадий Станиславович оторопело уставился на нее и заметил:

– Я вас не понимаю, Анастасия Петровна! Вы беременны, и это не шутка! Тем более что у вас имеется два ребенка и вам, уж извините, что педалирую эту тему, почти сорок! А вы относитесь к факту своей беременности как глуповатая школьница!

Анастасия вздохнула и ответила:

– Я же сказала, что свяжусь с вами. И сделаю это в ближайшее время. Однако день-другой или даже неделю-другую ребенок может потерпеть. Я приму решение и сообщу его вам. Но сейчас меня ждут гораздо более важные дела, чем этот ребенок!

Доктор хотел что-то сказать, но Анастасия, вынув из кошелька несколько пятитысячных купюр, положила их ему на стол и выбежала из кабинета.

Оказавшись в автомобиле, она первым делом связалась с фирмой и отдала распоряжения. Сказала, что едет в офис, – официально она была на встрече с важным человеком.

Доктор Аркадий Станиславович, вздохнув, посмотрел на деньги. Убедившись, что пациентки и след простыл, он вынул мобильный, отыскал в адресной книге кодовое имя – под ним скрывался человек, на которого он работал, – нажал кнопку и, когда в трубке раздался голос, произнес:

– Она беременна. Пятая неделя. От дальнейших обследований отказалась. По всей видимости, хочет пойти на аборт, так как ребенок только мешает.

– Вы пытались убедить ее сохранить ребенка? – спросил собеседник, и доктор заверил, что пытался.

– Значит, плохо пытались! – заявил несколько раздраженно собеседник. – Придумайте что-нибудь, скажите, что аборт ей противопоказан, что могут быть осложнения...

– Кажется, пациентка приняла решение и не намерена от него отступить, – возразил доктор, на что собеседник заметил:

– Вам платят не за то, чтобы вы меня убеждали, а чтобы убедили ее. Сделайте так, чтобы она решилась выносить ребенка. Это понятно? Получите тройной гонорар!

Алчный эскулап, быстро высчитав, сколько это будет, заверил, что сделает все, что от него зависит.

А собеседник, положив трубку, пробормотал:

– Настенька, ты должна принять верное решение! Потому что иначе придется прибегнуть к иным, совершенно иным методам. И они тебе явно не понравятся...

Звонок застал ее, когда она стояла на светофоре, нетерпеливо ожидая, когда же красный сменится зеленым. Мобильный снова зазвенел, и она схватила его, будучи уверенной, что на связи кто-то из фирмы.

– Анастасия Петровна, это Точилин, – услышала она знакомый голос. – Мне удалось раздобыть кое-какую информацию о вашем супруге. Кое-какую занятную информацию...

Бросив взгляд на часы, Анастасия договорилась с главой детективного агентства о встрече в небольшом, уютном венском кафе, перезвонила в фирму, отдала новые распоряжения и сказала, что задержится.

Когда она вошла в кафе, Точилин уже ждал ее, сидя в глубине зала, за столиком, полу-скрытым аркой. Анастасия заказала себе эспрессо, и только когда его подали, вспомнила, что беременна. Впрочем, становиться матерью в третий раз она не намеревалась.

– Так что вам удалось узнать? – спросила она, и глава детективного агентства пояснил:

– Пока что не так уж много, но это интересные факты, о которых вам надо знать уже сейчас. И это только верхушка айсберга. Чтобы узнать подноготную, потребуется время. Однако прошлым вашего супруга занимается мой самый опытный сотрудник. Вот взгляните на это...

Он передал Анастасии досье, и она, отпивая весьма посредственный кофе, пробежала глазами ту информацию, которая была напечатана на листах.

– Гм, то, что он до женитьбы не был монахом, мне и так понятно... Но он, оказывается, являлся мальчиком по вызову! – произнесла озадаченно Анастасия.

– Элитной проституткой мужского пола, – подтвердил Точилин. – Кто-то старался замести следы в Интернете, но нам удалось раскопать старые фото вашего благоверного...

Анастасия взглянула на откровенные изображения Эдика. Только звался он там вовсе не Эдиком, а Жаном. Ну что же, ханжой она не была. Ну, работал по вызову, что поделаешь. И то, что не хотел ставить ее в известность, тоже понятно: кому приятно говорить об этом. А Жан... так не *Васисуалием же ему в самом деле в подобной профессии именоваться*.

– Однако создается впечатление, что он намеренно приложил все усилия, чтобы стать вашим мужем. Причем являясь при этом мужем другой женщины! – провозгласил Точилин.

Анастасия усмехнулась – ну надо же, наш пострел везде поспел!

– Он что, двоеженец, наш милый Жан? – спросила она, а Точилин ответил:

– Не исключаю, что и троеженец, если так можно выразиться. Потому что вы знаете его как Эдуарда Елецкого. Похоже, Эдуард – это подлинное имя. Но фамилия у него вовсе не Елецкий. Потому что на другой даме он женат под именем Полянского. И дата рождения у него иная...

Анастасия посмотрела на ксерокопию паспорта и пробормотала:

– А тут он себе год сбросил. Хотя кто знает, сколько ему на самом деле лет.

Точилин продолжил:

– И все бы ничего, если бы некий Эдуард Долецкий не был замешан восемь лет назад в убийстве в Петербурге пожилой ювелирши, бывшей одновременно его супругой. Во время разбойного нападения на несчастную были украдены раритетные драгоценности на полмиллиона долларов.

– Он определенно питает слабость к звучным фамилиям, – констатировала Анастасия. – Мальчик, поди, только Лебядкин, а желал бы зваться князем де Монбаром. Ну, или хотя бы Эдиком Елецким. Кстати, это он убил ювелиршу?

– Если наш Эдуард – это тот Эдуард, что весьма вероятно, но пока еще не доказано, то у следствия было к нему множество вопросов, однако убитый горем вдовец вдруг словно растворился в воздухе. Его искали, но не нашли. Думается, что он, изменив внешность, но не свои привычки, перебрался из Северной столицы в Белокаменную и снова стал дружить с пожилыми дамами...

Пожилая дама... Получается, она для Эдика тоже пожилая дама? Только что он хочет от нее, этот Эдик? Все равно, даже убив ее, он ничего бы не получил...

Ничего, кроме прав опеки! Но для этого ему потребовалось бы устранить Светлану. Но убивший однажды убьет снова.

– А кто его нынешняя супруга, не считая меня самой? – поинтересовалась Анастасия, и Точилин подал ей фотографию особы с идеально гладким, похожим на восковую маску лицом и стрижкой а-ля Мирей Матье.

– Изольда Игоревна Меттерних, точный возраст неизвестен, по собственным заверениям – сорок шесть. На самом же деле – лет на двадцать больше. Потому что если ей сорок шесть, то как сорок лет назад она могла выйти замуж за австрийского графа со звучной фамилией? – произнес глава детективного агентства.

Анастасия припомнила какую-то череду скандалов, связанную с этой пожилой представительницей столичной тусовки. Речь шла то ли о распространении наркотиков, то ли о сексе с несовершеннолетними, то ли о том и о другом.

– Госпожа Меттерних продюсер, специализируется на так называемых мальчиковых группах, солистами которых являются подростки от шестнадцати до двадцати. Одна половина, по слухам, проходит через постель престарелой продюсерши, а другая половина – геи, – подвел итог Точилин. – Что, впрочем, не мешает Меттерних раскручивать своих подопечных, отлично на них зарабатывать.

– И как он расстался с этой Меттерних? – спросила Настя. – Она ведь жива, жертвой убийства не стала. Или он обокрал ее и ретировался? Но тогда бы она его искала! А он остался здесь же, в Москве, и вращается в тех же самых, что и брошенная супруга, кругах!

Точилин усмехнулся и ответил:

– Этим вопросом задался и я сам. Нет, никто не в курсе, что стало с милым смазливym Эдиком, который был супругом Изольды Игоревны аж целых четыре месяца, потом он как в воду канул. Она всем сказала, что они полюбовно расстались. Однако развода не последовало. И она его не искала. Как будто... *Как будто она в курсе, где он и, более того, на ком он сейчас женат!*

Он взглянул на Анастасию, и та, допив эспрессо, сказала:

– Хотите сказать, что Изольда сама подложила мне его в кровать?

– Мне удалось установить, что Меттерних – совладелица того самого элитного спортивного салона, в котором вы познакомились с Эдиком. И расстанься они со скандалом, более того, обмани он ее и сбеги, он бы не смог работать там тренером по фитнесу!

Анастасия задумалась: *выглядело в самом деле подозрительно*. Но то, что она попала в этот салон, случайность! Ей его посоветовали... Только вот кто? Этого она уже не помнила.

Впрочем, в данный момент это было не столь важно. Все равно она не могла сконцентрироваться – странно, но «истина» о супруге выбила ее из колеи. Но кто бы не впал в ступор, узнай, что муж – бывший мальчик по вызову, многоженец, вор и, не исключено, убийца?

– Вы правы, – произнесла Анастасия, собирая разложенные по столу бумаги. – Если столько вам удалось собрать об Эдике за день, то меня в дрожь бросает от того, что вам удастся накопать на него за неделю!

Михаил Точилин внимательно посмотрел на нее, а потом его рука вдруг легла поверх ладони Анастасии.

– Этот человек опасен, поверьте моему опыту. Поэтому я приложу все усилия, чтобы вывести вас из-под удара. Потому что я не могу допустить, чтобы с вами что-либо произошло. Ибо...

Он запнулся – мимо прошла официантка с подносом. Анастасия, которую тяготила странная ситуация, быстро выдернула ладонь из-под длани начальника сыскаго агентства и произнесла:

– Вот и отлично. Как вы считаете, сколько времени вам понадобится для установления истины?

Точилин ничего не отвечал, а сама Настя думала о том, что он сейчас хотел ей сообщить. *Признаться в любви?* Как несколько месяцев назад, правда, в завуалированной форме. И только то, что она поперхнулась апельсиновым соком, разрядило ситуацию.

Но это же просто смешно! Конечно, она замечала, что Точилин относится к ней не как к другим клиентам, однако приписывала это крупным суммам, которые он получал за услуги. *Или она ошиблась?*

– Думаю, недели хватит, хотя гарантировать этого не могу, – произнес тот наконец. – Ибо осушить можно даже океан лжи. Но это не просто. Пообещайте мне, что не будете поступать безрассудно! Например, категорически не стоит заводить бесед с вашим мужем о его прошлом. Если он узнает, что вы в курсе неприглядных деталей, он может наделать глупостей. А это не нужно ни вам, ни мне!

Анастасия собиралась возразить, что в ее планы не входило посвящать Эдика в то, что ей стало известно. Вдруг завибрировал ее мобильный, лежавший на столе: *звонил предмет их разговора.*

Анастасия несколько секунд, словно загипнотизированная, смотрела на дисплей. *Как будто она боялась принять звонок.* Нет, глупости, ничего она не боялась! Просто ее смущало, что рядом находился Точилин.

– Да, что? – спросила она, когда решила взять трубку. – Что-то случилось?

Бархатный голос Эдика произнес:

– Настюша, просто по тебе так соскучился... И хотел сказать, что сегодня утром было так классно. И я снова хочу тебя – прямо сейчас!

Он стал нести эротическую околесицу, а Анастасия, чувствующая не возбуждение, а нарастающее раздражение, поглядывала на Точилина. Интересно, а он слышит, что гордит в трубку Эдик?

– Извини, я сейчас на важном совещании, – оборвала рассусоливания мужа Анастасия.

– Ничего страшного, подождут! – заявил Эдик. – Кстати, ты ведь заедешь домой, чтобы переодеться для аукциона?

Ах да, этот дурацкий благотворительный аукцион! Ей было не до него, однако Настя была одним из его организаторов. К тому же она не могла позволить себе дать слабину: наверняка слухи о том, что она объявила войну могущественному олигарху, расплзлись по тусовке. И если Настя вдруг не появится, то все будут считать, что она струсилась или что у нее невероятные проблемы.

– Пока не знаю, – ответила она, – если получится, то заскочу, если нет, то отправлюсь туда напрямик из офиса. У нас запарка...

– Надеюсь, ничего серьезного? – спросил Эдик, и в его голосе Настя уловила странные нотки. Создавалось впечатление, что он что-то знал, и, не исключено, знал *очень даже многое!* – Я тебя очень сильно люблю, Настя! – произнес он и отключился.

Он ее очень сильно любит... Ее – или ее деньги? Но если бы хотел денег, то нанялся бы любовником или супругом к по-настоящему богатой особе. Тогда получается, что вместе с ней Эдик был не по своей воле, а потому что ему заплатили – *или приказали?*

Слишком много предположений, гипотез, вопросов без ответа. Анастасия кинула телефон в сумочку и, поднимаясь, сказала:

– Крайне вам признательна. Если станет известно что-то новое и важное, звоните в любое время суток.

Она достала купюру, чтобы расплатиться за кофе, но Точилин заявил:

– Нет-нет, Анастасия Петровна, об этом не может быть и речи! Я сам за все заплачу!

Где это видано, чтобы нанимаемый платил за клиента? Анастасия качнула головой, подождала официантку и протянула ей купюру. А затем, не дожидаясь сдачи, зашагала прочь.

Какое-то странное чувство подмывало ее обернуться, однако она не сделала этого. Только когда оказалась в автомобиле, бросила мимолетный взгляд на кафе – и разглядела в окне Точилина, который, замерев, словно статуя, стоял посреди зала.

Итак, Эдик оказался предателем. Впрочем, кажется, она ожидала подобного поворота событий: ведь с любимым у нее был даже заключен брачный договор. И при разводе он бы ничегошеньки не получил.

Однако не время забивать голову Эдиком. Анастасия вернулась в офис, где кипела работа. Оказалось, что за прошедшие три часа Дуйменов успел многое: два поставщика, с которыми они работали уже несколько лет, вдруг отказались от сотрудничества. А затем раздался звонок из финансовой инспекции: чиновник, говоривший со Светланой, ходил вокруг да около, а потом намекнул, что лучше бы им принять выгодное предложение, ведь если начнется проверка, то может выясниться, что фирме надо доплатить огромную сумму – *чисто гипотетически*, конечно же.

Быстро отдав распоряжения, Анастасия взглянула на часы: стремительно надвигался вечер. Нет, домой она точно не попадет. И это идиотское мероприятие было ни к чему, тем более что она никогда не являлась любительницей подобного. Но что поделать...

За последующие четыре часа она провела шесть важных телефонных разговоров, отослала девять сообщений по электронной почте, надиктовала два факса, а в промежутках просмотрела подготовленное юристами и аналитиками досье и созвала пятиминутку.

Она видела, что ее люди работают на пределе. Они сделали все, что могли сделать, – и требовать большего было бы преступлением. В конце концов, не только у нее одной были семья и планы на вечер.

Поэтому после пятиминутки она сказала:

– Все отлично поработали! Завершаем сегодняшний день прямо сейчас!

Светлана вопросительно посмотрела на нее, а затем заявила:

– Но как же быть с запросом в Австрию? И с Ерохиным связаться так и не удалось. И должен прийти еще ответ из Екатеринбурга...

Сестра была явно не в восторге от идеи разойтись по домам. Но Анастасия видела усталые лица своих сотрудников и понимала, что даже если они все останутся до утра в офисе, это ничего уже не изменит. Ведь важно не бегать с выпученными глазами и высунутым языком, отдавая непонятные приказания, а сделать правильные ходы – и ждать результата. *А правильные ходы она уже сделала.*

– Запрос в Австрию я пошлю, но для этого мне никто не требуется. Ерохин в отпуске, где-то на Мальдивах, и рано или поздно прочтет электронное сообщение или прослушает автоответчик своего мобильного и объявится. В Екатеринбурге другой часовой пояс, там уже все завершили трудиться. И если они дадут ответ завтра утром, это ни на что не повлияет!

Светлана кивнула, хотя по выражению ее лица было видно, что она не согласна.

– Большое всем спасибо! – произнесла Анастасия. – Шампанское откладывается до лучших времен, однако уверяю вас – пить его будем мы, а не господин олигарх!

Сотрудники исчезли в течение двух минут, и в офисе осталась только сама Настя. Она сидела за своим компьютером и пялилась в экран. Несмотря на то что она предприняла все, что могла, у нее не было уверенности в победе. Не исключено, что им удалось отбить первую атаку или выиграть одно сражение. *Но война ведь только начиналась...*

Раздались шаги, и на пороге возникла тень. Анастасия вздрогнула и заметила Светлану. Та стояла в плаще – странно, Настя была уверена, что сестра ушла, не попрощавшись.

– Ты еще здесь? – спросила устало Анастасия. – Света, извини, что сорвалась сегодня, причем не единожды. Ситуация критическая...

Светлана посмотрела на нее и произнесла:

– Мы ведь проиграем?

Анастасия ничего не ответила, а Светлана повторила:

– Не молчи! Ты всегда, если не желаешь вступать в спор, молчишь! Поэтому не молчи! Это ты нашим сотрудникам голову морочишь – и правильно делаешь. Потому что если сказать, что дело кантаты, то они разбегутся, как крысы. Или будут делать ошибки. Что еще хуже.

Анастасия ответила:

– Я хотела набросать письмо австриякам. Так что если ты позволишь...

Светлана хлопнула сумочкой по столу и заявила:

– Ты же идешь ва-банк! Но только в дешевых сериалах и глупых фильмах дама-бизнесмен побеждает матерого волка-олигарха. Он ведь нас элементарно задавит своими миллиардами. Да и связи у него знаешь какие? Ты в курсе, кто был у него на последней свадьбе свидетелем?

Анастасия покосилась на сумочку сестры, лежавшую на столе, и сказала:

– В курсе. Однако акции его гостя в последнее время резко упали. И у меня тоже имеются кое-какие знакомства. И меня заверили, что на произвол судьбы меня не бросят!

Светлана убрала сумочку и устало заметила:

– Да, ты какая была, такая и осталась, сестричка. Боевая, несгибаемая, принципиальная. Но плетью обуха не перешибешь. Мы только затащим на своей шее удавку, если будем вести с ним войну. Надо подумать над предложением Дуйменова...

Анастасия взглянула на нее и отчеканила:

– Я подумала – и решила. Мы принимать его предложения не будем!

Светлана тяжело вздохнула, повела плечами и сказала:

– Ну что же, на другое я и не рассчитывала...

– Ты что, решила уйти? – спросила ее Анастасия.

Светлана качнула головой и ответила:

– Нет, я всегда буду на твоей стороне. На твоей и твоих детей, моих племянников. Поэтому можешь рассчитывать на меня. Однако повторю – я не сомневаюсь в том, что ты делаешь ошибку, причем серьезную ошибку, которая может стоить тебе...

Зазвонил телефон – на связи был Ерохин. Анастасия махнула рукой сестре, и та ушла.

– Как Мальдивы, еще не затопило в результате поднятия уровня Мирового океана? – начала она разговор.

Когда двадцать минут спустя разговор был завершен, Анастасия потянулась, чувствуя, что проголодалась. Как всегда, на Ерохина можно было рассчитывать – и несмотря на то что он находился на островах в Индийском океане, он сделает все возможное, дабы помочь ей.

Часы показывали половину девятого. Настя подумала о благотворительном аукционе – тот начинался в девять. Она быстро написала и отправила электронное послание в Вену, а потом ринулась в душ, располагавшийся в закутке около ее кабинета.

Двадцати чередований контрастных струй – обжигающе-горячих и обжигающе-холодных – хватило, чтобы снова чувствовать себя в тонусе. Вытирая волосы, Анастасия отправилась в небольшую комнату, примыкавшую к душевой, – там она иногда ночевала, если приходилось работать допоздна. И там же располагался платяной шкаф с одеждой на все случаи жизни.

Ей требовалось вечернее платье, и таковых в шкафу было три. Одно из них, желтое, она уже надевала на одно из последних мероприятий. Другое, красное, она терпеть не могла. Оставалось черное, наглухо закрытое спереди и с убопомрачительно открытой спиной. Его она тоже надевала, хотя и давно. Однако если все будут пялиться на ее спину, то никому и в голову не придет, что выбирала этот наряд она впопыхах из трех вечерних туалетов, которые оказались под рукой.

Нацепив подходящие туфли на высоких каблуках, Анастасия принялась сушить и расчесывать волосы. Посмотрев на себя в зеркало, она осталась довольна – и кто сказал, что женщина перед вечерним приемом должна проводить перед зеркалом полдня?

Затем она быстро наложила вечерний грим – на это ушло всего несколько минут. Не сомневаясь, что произведет на аукционе фурор, Анастасия поняла, что ей не хватает какого-либо аксессуара. Драгоценностей она терпеть не могла. Она порылась в шкафу и извлекла белое боа. Оттуда оно у нее? Кажется, случайно затесалось сюда...

Она закинула его на шею и осталась довольна. Что ж, уже десятый час, но такие мероприятия все равно никогда вовремя не начинаются. Да и отсюда было рукой подать...

Когда она поднималась по лестнице, ведущей к залу приемов аукционного дома «Комильфо», застрекотали фотоаппараты – была приглашена и пресса. Внезапно Анастасия почувствовала, как кто-то взял ее под руку: это был Эдик. Облаченный в смокинг, он был неотразим. Все же если он и был преступник и убийца, то *на редкость привлекательный и сексуальный преступник и убийца*.

По дороге на аукцион Настя думала о том, что носит во чреве *его* ребенка. Однако ни сообщать Эдику эту благую весть, ни тем более советоваться с ним о судьбе малыша она не собиралась. Она одна примет решение – и точка. Потому что у него были от нее свои секреты, а у нее от него – свои.

– Ты неотразима! – произнес супруг, обнимая ее за талию. – У какого модного стилиста ты успела побывать?

Настя усмехнулась: комплимент был незатейливый, однако оказал нужное воздействие.

Они прошли в заполненный гостями зал с колоннами. Около них возник вышколенный официант, державший поднос с бокалами шампанского. Анастасия протянула было руку к одному, но потом вдруг вспомнила – ей же нельзя!

Хотя кто сказал, что нельзя? Она же все равно не намеревалась вынашивать плод и становиться матерью в третий раз! Но даже если и так, травить ребенка она не хотела...

Поэтому она так и не взяла бокал, что не ускользнуло от внимания Эдика.

– С тобой все в порядке? – спросил он, а Анастасия ответила:

– Да, но не забывай, что я за рулем. Да и голова что-то немного побаливает...

Она обманывала – голова у нее не болела, однако ей хотелось, чтобы Эдик так считал. Тот нежно притянул ее к себе, поцеловал и вдохнул аромат ее волос.

– Я ведь тебе сказал, что изнывал по тебе! – прошептал он ей на ухо. – Ты сегодня утром так распалила меня... Знаешь, что я подумал?

Она стал говорить ей непристойности, от которых она раньше просто таяла. Но в этот раз она стояла, слушала эти скабрзные замечания и размышляла о том, скольким простушкам он нашептывал то же самое. Ее так и подмывало огоршить его вопросом: «Дорогой, а это ты убил свою жену-ювелиршу?»

– А когда мы это завершим, я на руках отнесу тебя в ванну, заполненную душистой пеной, и...

Супруг вдруг смолк и куда-то уставился. Анастасия посмотрела в том же направлении и заметила небольшую процессию, во главе которой шествовала облаченная в золоченое платье платиновая блондинка с удивительно ровным лицом. Шею блондинки обвивали крупные жемчужины, а руки были обтянуты золотистого цвета перчатками, на пальцах сверкали перстни.

Дама была одета очень богато и безвкусно, но к этому в столичном бомонде привыкать не приходилось. Ее свиту составляли женственный юноша, державший болонку, высокий небритый тип в солнцезащитных очках, исполнявший роль то ли телохранителя, то ли секс-раба, и невысокая полная особа, облаченная во все черное.

Лицо самой дамы было Анастасии знакомо. *Это была Изольда Игоревна Меттерних, писательница, продюсер и художница, а по совместительству – жена Эдика.*

– Что за нелепая старуха! – произнесла со смешком Настя. – Лицо как у мумии из третьего сорта фильма ужасов. Нельзя же до такой степени переkreить собственную физиономию! И сколько литров ботокса она себе в лоб вкачала?

Эдик чуть нахмурился, а потом произнес, становясь к процессии спиной и загораживая Настю:

– Ах, вот и аукцион скоро начнется! Ты ведь одна из организаторов, наверное, тебе надо пройти на сцену...

Анастасия отмахнулась:

– Да нет, я только внесла свою мзду и подписала в числе прочих приглашение. На сцене мне делать нечего. И все же, кто эта особа?! Отойди, милый, ты мне ее загораживаешь!

Она прошла вперед, увлекая за собой Эдика, которому сложившаяся ситуация была явно неприятна. Зато Анастасия всю наслаждалась ею.

Настя встала так, чтобы шествовавшая по залу Изольда никак не могла миновать ее. Эдик с паникой в голосе произнес:

– Настя, ну к чему эта клоунада? Ну, переборщил человек с пластическими операциями и ботоксом, мы же не в зверинце, чтобы глазеть на него!

– Эдик, ну как ты можешь так говорить! – произнесла Настя нарочно громко, имитируя возмущение. – Как ты можешь называть эту прелестную даму старой кошелкой и заявлять во всеуслышанье, что она переборщила с косметическими операциями и ботоксом?

Изольда была в метре от них, намереваясь миновать их, как дредноут на всех парах проходит мимо крошечного острова. Однако это замечание не ускользнуло от нее, и Анастасия поняла, что достигла своей цели.

Дернувшись, Изольда уставилась на нее, а потом властно вытянула руку, в которую женственный юноша, державший на руках болонку, вложил сверкавший стразами лорнет. Приложив его к глазам, Изольда протянула низким прокуренным голосом:

– Вы имели в виду меня, деточка?

Причем слово «деточка» звучало в ее устах как матерное. Анастасия заметила, что Эдик намерен ретироваться, поэтому, дернув его за локоть, она произнесла:

– Ах, Эдик, милый мой, ты кого имел в виду?

Мужу не оставалось ничего иного, как развернуться. Анастасия внимательно наблюдала за его лицом, а также за лицом Изольды. Они вели себя как заправские актеры – Эдик только шумно вздохнул. А лицо Изольды походило на посмертную маску Тутанхамона: впрочем, с учетом того количества ботокса, которым его сдобрили, это было неудивительно.

– Прошу прощения, это была всего лишь нелепая шутка, – произнес наконец Эдик. Болонка тявкнула, а Изольда, смерив его презрительным взглядом, процедила:

– Нахал! В следующий раз велю вас поколотить. Но сейчас, так и быть, прощаю!

И двинулась дальше. Анастасия задумалась – *это встреча жены и мужа?* Они вели себя как совершенно незнакомые люди. *Только вот почему?* Изольда, конечно, с учетом постоянных операций несколько изменилась, а ботокс мог оказать тлетворное воздействие на ее умственные способности. Но не узнать собственного мужа, с которым она формально все еще состояла в браке?

– Ну зачем ты это сделала? – спросил с укоризной Эдик, а Настя ответила:

– Это ведь было смешно, так ведь?

Похоже, муж ее энтузиазма не разделял. Он вырвался от нее и куда-то двинулся, но явно не в сторону Изольды, которой на ухо что-то шептал ее небритый сопровождающий. Женоподобный юноша с болонкой на руках все время оглядывался. И тут Настя заметила подле себя невысокую особу в черном, которая тоже входила в свиту Изольды.

Она внезапно протянула руку и дотронулась до лба Анастасии. Жест был такой неожиданный, что Настя замерла. Вдруг ей показалось, что кончики пальцев этой странной особы горячие. Конечно, это была игра воображения, не более того.

Рукой толкнув длань особы в черном, Настя заметила:

– Попрошу вас придерживаться приличий! Не забывайте, где мы находимся!

Особа смерила ее взглядом, а потом сказала странным голосом:

– Дай мне руку!

В этот момент объявили о начале аукциона, и те, кто еще не занял места, ринулись к рядам бархатных стульев. Анастасия попыталась сдвинуться с места, но поняла, что не может сделать это.

– Дай мне руку! – повторила особа, и Настя подчинилась. Странно, но никто не смотрел в их сторону, словно не замечая. Внезапно в голову ей пришла мысль о том, что эта особа в черном так сделала, чтобы никто не смотрел в их сторону. *Предположение столь же нелепое, как и фантастическое.*

Особа взяла ее руку, обхватив обеими ладонями. И Настя могла поклясться, что ощутила тепло, исходящее от конечности этой облаченной в черное дамы. *Как будто у той из ладони бил источник энергии.*

На мгновение Насте показалось, что она находится не в зале, а парит в воздухе. Но все это ерунда, психологический трюк: наверняка эта особа была сильным гипнотизером или обладала экстрасенсорными способностями. Впрочем, в существование последних Настя не верила.

Анастасия выдернула руку, и видение сгнуло. Кокон, в котором она находилась, исчез, и она поняла, что по-прежнему пребывает в зале с колоннами.

– На тебе печать смерти! – пророкотала особа в черном. – Причем смерть заберет тебя еще до окончания этого дня!

Настя хмыкнула, и ей стало ясно: пророчица. Наверняка промышляет тем, что снимает сглаз и насылает порчу в столичной тусовке. И дерет за свои услуги втридорога.

– Вас кто подослал? – спросила Настя. – Госпожа Меттерних, желающая наказать меня за нелестные замечания в ее адрес? Или господин Дуйменов, пытающийся столь дешевым способом сподвигнуть меня к принятию его предложения?

Иного и быть не могло! Особа пронзила ее взглядом темных глаз и сказала:

– Если ты уйдешь, прямо сейчас уйдешь... Если ты убежишь на край света... Если сделаешь это немедленно, то у тебя есть шанс – небольшой шанс! А если останешься, то умрешь до начала нового дня!

Анастасия рассердилась:

– Какие-то предсказания у вас заезженные! А чем будете объяснять, если я через два часа буду все еще жива? Тем, что ошиблись с астрологическим прогнозом?

Особа протянула к ней руки, но Настя отошла в сторону и сказала:

– Оставьте меня в покое – или я вызову охрану!

– Я же добра тебе хочу! – заявила ее странная собеседница. – Метка смерти такая явная, такая четкая. Если не думаешь о себе, то подумай о своих детях!

Ну, начинается! Настя была уверена, что особа тотчас предложит ей оградить ее от несчастья, небезвозмездно, конечно. Наконец, появился Эдик, который, завидев особу в черном, побледнел. Ничего не говоря, он взял Настю под руку и повел к бархатным креслам.

– О тех, которые у тебя уже есть! И о том, которого ты под сердцем носишь! – донеслось ей вслед, и Настя обернулась. Откуда эта особа могла узнать о ее беременности? Кто мог проболтаться – доктор Аркадий Станиславович? Но даже если и так, как эта весть достигла этой странной женщины?

Или она на самом деле была экстрасенсом и могла, подержав в руках руку женщины, определить, беременна та или нет?

Но никакой особы в черном позади нее не было. Настя растерянно повернула голову – куда та могла деться? А затем осторожно спросила Эдика:

– Ты ведь тоже ее видел?

– Кого? – спросил тот, а Настя пояснила:

– Ну, эту особу в черном, которая со мной разговаривала?

Не хватало еще, чтобы он ответил, что никого не видел! Тогда ей точно надо будет навещать к психиатру!

Эдик мрачно заметил:

– Ты имеешь в виду ведьму?

– Ведьму? Какую ведьму? – спросила Настя, злясь на мужа. – Ты еще скажи – Баба-Ягу!

Тут ее взгляд упал на противоположную сторону зала, и она увидела даму в черном, возвышавшуюся около сидевшей в кресле Изольды. Значит, это не был плод фантазии или галлюцинация...

– Ее все так и зовут: ведьма. Потому что имени ее никто не знает. Она обладает невероятными способностями, врачует, предсказывает будущее, умеет заглянуть в прошлое, разговаривает с мертвыми и читает мысли! – заявил Эдик. – Причем она сама выбирает себе клиентов и денег за свои услуги не берет...

Настя всплеснула руками:

– Какой поразительный альтруизм! Скажи еще, что она живет за счет того, что ей подают!

– Что-то вроде того, – ответил муж, – хотя, конечно, у нее имеется своя то ли клиника, то ли кабинет. Зря ты воспринимаешь это в штыки, она не шарлатан.

– А ты откуда знаешь? – спросила Настя. – И вообще, ты что, знаком с ней?

В этот момент ведущий, объявлявший имена организаторов, дошел до ее фамилии – и Насте все же пришлось сказать несколько слов. Когда она вернулась к Эдику, тот потягивал шампанское.

– Кстати, что она имела в виду, когда сказала, что ты что-то носишь под сердцем? – спросил он внезапно, и Настя быстро ответила:

– Быть может, ей мое боа не понравилось? А, если честно, мне просто смешно, что ты в такое веришь! Так где ты с ней познакомился?

– Уже и забыл, – ответил Эдик, но Анастасия была уверена, что он врет. Просто не хочет говорить, что снюхался с особой, когда был мужем Изольды.

И тут Настя все поняла. Ну конечно, с какой-то целью им требуется вывести ее из равновесия, поэтому и наслали на нее эту навевавшую тихий ужас особу в черном. Та запугала ее, а она, идиотка, уши развесила. И приняла это за чистую монету!

Только вот как особа могла узнать о ее беременности?

Но это был вопрос второстепенный, не исключено, что эта ведьма все же обладала некоторыми паранормальными способностями. Вопрос был в другом: с какой целью к ней приставили эту московскую Вангу? В чем заключался смысл ее зловещих предсказаний? *И кто был инициатором всего этого жалкого фарса?*

Настя искоса взглянула на Эдика – наверняка он мог пролить свет на это, однако ей надлежало играть роль ни о чем не подозревавшей супруги.

Аукцион был в самом разгаре, когда объявили очередной лот – шкатулку эбенового дерева с инкрустацией из золота, серебра и полудрагоценных камней. Работа французских мастеров первой трети девятнадцатого века.

На экране появилось изображение шкатулки – обыкновенный образчик дорогого антиквариата, Насте до подобного не было дела. Однако большой интерес к шкатулке проявила Изольда. Она упорно набивала цену, вступив в поединок с другой такой же, как и она сама, изуродованной пластическими хирургами дамой. Причем время от времени ведьма, склоняясь к Изольде, что-то шептала ей на ухо.

Наконец Изольде удалось одержать победу, и ведущий аукциона заявил:

– Сорок тысяч евро раз, сорок тысяч евро два и...

Он сделал драматическую паузу, и тут снова прошел ролик о том, на что предназначены собираемые средства – побежали кадры из детдомов и онкобольниц.

- ...и... – ведущий поднял молоток, но в этот момент Настя объявила:
- Пятьдесят тысяч!

Ведущий оживился, а Изольда одарила Настю взглядом горгоны Медузы и предложила шестьдесят. Анастасия снова увеличила цену до семидесяти тысяч. Эдик зашептал:

- Зачем тебе это? И разве ты не видишь, что ведьма не в себе?

Ведьма действительно то и дело склонялась к Изольде, явно давая той советы.

– Боишься проклятия? Или ты опасаясь мести разъяренных пожилых дам с лицами, полными ботокса? – спросила Настя, вдруг ощутив укол ревности. *Да, она вступила в конфронтацию с Изольдой, потому что та была когда-то женой Эдика.* Точнее, она все еще оставалась его законной женой, что делало ее, Анастасию, женой незаконной.

- Восемьдесят тысяч! – заявил ведущий после того, как Изольда подала знак.

– Настя, прошу тебя, остановись! – заявил Эдик, и она мстительно спросила:

- Что, Изольду Игоревну жалко?

– Нет, твои деньги! – ответил Эдик. – Зачем тебе эта коробка из дерева? При чем за такую кошмарную сумму?

Он был прав, но Настя уже закусил удила. Она подала знак, и ведущий провозгласил:

- Девяносто тысяч евро, дамы и господа! Девяносто тысяч раз...

– Сто! – крикнула Настя. – Я предлагаю сто тысяч евро!

Она взглянула на Изольду, которая, казалось, покачнулась. Ведьма снова склонилась к той, явно убеждая предложить еще больше денег. Ведущий спросил у нее, желает ли она назвать свою цену, но Изольда покачала отрицательно головой, а ее болонка тявкнула.

Послышался удар молотка и голос ведущего:

- Продано за сто тысяч евро госпоже Бойко!

Раздался гул одобрения и даже аплодисменты. Настя поняла – если от нее требовалось продемонстрировать свою кредитоспособность, то это удалось в полной мере. Наверняка каждый считает, что если она в состоянии отвалить за какую-то ерунду сто тысяч евро, то дела у нее идут лучше некуда. *Хотя в действительности все было с точностью до наоборот.*

После столь увлекательного лота был объявлен перерыв. К Насте подошли несколько знакомых, которые стали поздравлять, одновременно пытаясь разузнать подробности ее противостояния с олигархом Дуйменовым.

Эдик куда-то делся, а Анастасия, чувствуя, что ей сделалось невыносимо душно, вышла на большой балкон, который, впрочем, был пуст. В лицо ей ударил холодный колющий ветер, и она ощутила легкие капли начинающегося дождя.

Анастасия подняла лицо к небу, затянутому тучами, и вдруг услышала позади себя голос:

- Продайте мне шкатулку!

Она обернулась и увидела Изольду Меттерних. Та была одна, без сопровождения своей опереточной свиты.

– Она ведь вам не нужна! – продолжала Изольда, наступая на нее. Чтобы не столкнуться с ней, Анастасия рефлекторно отступила.

- Я предложу вам хорошую сумму! – заявила Изольда.

– Но тогда бы сами ее и купили! – ответила в тон ей Анастасия. – Теперь уже поздно, шкатулка – моя собственность!

Изольда сузила глаза и топнула ногой:

- Для вас – это всего лишь сиюминутный каприз! Я же их коллекционирую!

– Кого их? Шкатулки? – спросила озадаченная Анастасия. – Занятное, надо сказать, хобби!

Она вдруг уперлась спиной в холодный мокрый камень – это оказалась балюстрада, за которой была пустота. А Изольда наступала и наступала.

– Я вам ее подарю, если вы расскажете мне, отчего вы сделали так, будто не узнали своего бывшего, вернее, настоящего мужа по имени Эдик! – сказала Анастасия.

Изольда замерла. Ее глаза сделались вдруг совершенно пустые. Потому из ее горла вырвался хриплый голос:

– Не понимаю, о чем это вы! У меня не было мужа по имени Эдик!

Звучало весьма убедительно, но Анастасия-то знала, что это было ложью.

– Тогда зачем вам шкатулка? Что в ней такого ценного?

– Она ценна мне как коллекционеру! Вам, несведущей, ничего в этом понять нельзя! – ответила Изольда. – Отдайте, отдайте, отдайте!

Она протянула к ней свои облаченные в перчатки и униженные перстнями руки. Лицо Изольды теперь не походило на маску – *это и была маска*. Она схватила Настю за шею, та стала сопротивляться, но соперница была намного тяжелее ее. Спиной Анастасия легла на балюстраду, понимая, что еще чуть-чуть, и эта безумная особа скинет ее вниз. Она видела освещенные окна, а за ними – силуэты гостей, слышала смех и разговоры. Все это было в считанных метрах, так близко – и в то же время так далеко. Как будто она была жителем другого, параллельного мира, и обитатели мира реального ее, находившуюся рядом, не видели и видеть не могли, ибо для них она просто не существовала.

Настя ударила Изольду в грудь, но та словно не почувствовала боли. Нет, ее глаза не были безумны – *они были мертвы*.

Внезапно раздалась фраза на непонятном языке. И давление на горло тотчас ослабло, и Изольда как по команде отпустила ее. А потом, сделав шаг назад, удивительным образом переменялась. Охнув, она запричитала:

– Ах, на вас же лица нет! Вам что, плохо! Я позову врача!

И как ни в чем не бывало удалилась с балкона. Настя заметила особу в черном – ту самую пресловутую ведьму.

Настя пощупала шею, долго кашляла, жестом не подпуская к себе приятельницу безумной Изольды.

– Даром это вам не пройдет! За попытку убийства она отправится в тюрьму! – заявила она и вдруг почувствовала, как особа в черном дотронулась до нее. По телу разлилось тепло, а болевшая шея вдруг волшебным образом перестала ныть.

– Подумай о себе! И о том, что я сказала! Метка смерти! Остался всего лишь час! – сказала ведьма, а затем ее глаза словно вспыхнули во тьме, и Анастасия потеряла сознание.

Бессознательное состояние длилось, по-видимому, недолго, вероятно, всего несколько мгновений. Анастасия открыла глаза – она по-прежнему находилась на балконе, по-прежнему шел дождь, однако мизансцена переменялась. Ни ведьмы, ни Изольды рядом не было. Около нее невеста каким образом возник Эдик, поддерживавший ее за талию.

– Настенька, с тобой все в порядке? – спросил он участливо. *Уж слишком участливо*. Анастасия обернулась по сторонам и спросила:

– Где она?

Эдик проворковал:

– Кого ты имеешь в виду?

На языке у нее вертелся ответ: «твою законную жену», однако Настя не стала говорить этого. По крайней мере, Эдик хотел ей помочь. Только вот как он столь оперативно оказался на месте... На месте несовершенного преступления?

Словно предваряя ее вопрос, Эдик заметил:

– Я ведь искал тебя, вышел на балкон – и увидел, что тебе плохо. Ты оперлась о балюстраду, на тебе лица не было. Да и сейчас, собственно...

– И ты никого не видел? – спросила Настя, и супруг подтвердил:

– Никого. А что, должен был увидеть?

Настя подумала о том, что, быть может, ей привиделся дурной сон, длившийся всего одно мгновение? Потому что если Эдик не видел ни Изольды, ни ведьмы... Последняя, впрочем, обладала способностью растворяться в воздухе – фигурально выражаясь. *Хотя, кто знает, может, и в самом деле?*

Но это с учетом того, что Эдик говорил правду... А вот если он лгал? Если он прикрывал Изольду и ее облаченную в черное спутницу?

Однако Эдик был так мил, пылок и заботлив, что Анастасия решительно не могла заподозрить его в интригах. И тут она вспомнила его странный разговор в оранжерее. А также тот факт, что он, не исключено, «черный вдовец»...

– Тебе ведь нужен врач? – спросил ее Эдик, причем сказал это таким тоном, будто желал получить отрицательный ответ.

Настя же настояла на том, чтобы ее осмотрел дежуривший на мероприятии медик. Аукцион уже возобновился, а ее отвели в одну из комнат, где молодой тип с бородой уложил ее на диван, измерил давление, проверил рефлекс, потом произнес:

– Анастасия Петровна, если не принимать в расчет явное переутомление, вы в полном порядке. Однако рекомендую вам принять теплую ванну и лечь спать.

Это было именно то, чего хотела сама Настя. А врач, потрепав ее по руке, с улыбкой спросил:

– Кстати, вы случаем не беременны?

Анастасия сразу насторожилась и заявила:

– Нет-нет, это исключено!

Бородатый эскулап мог ведь растрепать, а ей не хотелось. Потому что как бы она ни поступила с ребенком, никому до этого нет дела.

– Извините, – ответил тот, краснея, что невероятно ему шло, – просто был на днях похожий случай – дама упала в обморок, а выяснилось, что у нее беременность. Потому что других причин в вашем случае нет. Хотя если принять в расчет усталость и дождевой фронт, который накрыл Москву...

Других причин не было? *Как бы не так!*

– Благодарю вас, однако мой обморок обусловлен не беременностью и уж точно не усталостью! – заявила неприязненно Анастасия. – А тем фактом, что на меня было совершено нападение. И вы как врач должны это подтвердить и документально зафиксировать.

– Нападение? – протянул врач. – Прошу вас, расскажите об этом подробнее!

– Меня пытались задушить! – заявила Анастасия. – И странно, что это не бросилось вам в глаза при осмотре.

Врач склонился над ней, она почувствовала у себя на шее его тонкие теплые пальцы. Затем бородач качнул головой и сказал:

– Анастасия Петровна, никаких следов не осталось. Или вас, гм, душили не очень сильно, или вам, гм, показалось, что вас душили...

Не очень сильно? Да Изольда ей чуть голову не оторвала! И едва не спихнула с балкона вниз!

– Не верите мне? – спросил врач, увидев ее выражение лица. – Вот, смотрите, у меня и зеркало имеется.

Он протянул ей зеркало, и Настя убедилась: нет, *никаких следов на шее не осталось*. Ни малейшего намека на покраснение.

– Возможно ли такое, что следы появятся позднее? – спросила она доктора, и тот, усевшись на диван, еще раз внимательно осмотрел ее. Интересно, что прикосновение его рук к ее шее вызвало у нее мурашки.

– Гм, если вы утверждаете, что вас душили, да еще сильно, то следы остались бы непременно! – заявил он.

– Она была в перчатках! – вскрикнула Настя. – Может, в этом дело? Но наверняка остались внутренние повреждения. Можно ли это выяснить при помощи рентгена или чего-то подобного?

Доктор попросил ее открыть рот, светил туда крошечным фонариком, что-то разглядывал.

– А зубы у вас великолепны, ни единой пломбы! Мне бы такие! – прокомментировал он, словно собираясь с мыслями. – Анастасия Петровна, повреждений невооруженным глазом не видно. Но это не означает, что их нет. Если хотите, я могу организовать вам осмотр у специалиста...

Специалиста, который, не исключено, докопается до того, что она беременна. Нет, этого ей точно не требовалось.

– Думаю, вам лучше несколько дней отлежаться дома, не ходить на работу, прийти в себя... Похоже, что вы слишком много работаете, а это негативно сказывается на вегетативной системе...

– Вы еще скажите – на психическом состоянии! – вспыхнула Анастасия. Этот молодой бородач, он что, намекает на то, что ей все пригрезилось и что она идиотка? Однако он прав, нельзя же быть такой легковозбудимой!

Поэтому Настя поблагодарила врача, правда, весьма сухо. Тот подал на прощание ей свою визитку и сказал:

– Обращайтесь ко мне в любое время, Анастасия Петровна. Я всегда к вашим услугам!

Настя бросила рассеянный взгляд – врача звали Илья, какая фамилия, она прочитать не успела, да и не намеревалась это делать. Она положила визитку на диван, и в этот момент записал ее мобильный. Анастасия ринулась к сумочке, заметив, как визитная карточка соскользнула куда-то в щель между сиденьем и подлокотником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.